

ШАМАНСКАЯ БОЛЕЗНЬ

18+

Кира Мурсак

Шаманская болезнь

«Автор»

2026

Мурсак К.

Шаманская болезнь / К. Мурсак — «Автор», 2026

«Ателье колдовских колпаков». В мире, где магия — не только чудо, но и оружие, юная волшебница Коко постигает искусство колдовства под крылом загадочного профессора Кифри. За его спокойной улыбкой и терпеливыми наставлениями прячется страшная тайна: на нём лежит проклятие. И Коко изо всех сил старается не дать этой тьме поглотить любимого учителя. Но Орден Шляпников готовит удар, и в центре их зловещих планов оказывается именно Коко. В яростной схватке Кифри жертвует собой. Опустошённая, но не сломленная, девочка стоит перед мучительным выбором. Остаться в мире колдунов или принять предложение шаманки Хельги? Ради шанса вернуть Кифри Коко решается на инициацию, которая навсегда изменит её природу и откроет двери в иные миры, где грань между светом и тьмой почти неразличима. Что будет, когда Кифри пробудится и увидит, как его ученицы, некогда сплочённые общей мечтой, теперь стоят по разные стороны баррикад, разрываемые обидами и недоверием?

© Мурсак К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Кира Мурсак

Шаманская болезнь

Глава 1

Ателье Кифри всегда пахло сушёными травами, воском для свечей и той особенной, едва уловимой пылью, что танцует в косых лучах солнца, пробивающихся сквозь щели в ставнях. Пылинки кружились в воздухе медленными, почти ленивыми спиралями, будто не хотели покидать этот уютный полумрак. Для новоиспечённой волшебницы Коко этот запах давно заменил уют родного дома — он стал её тихой гаванью среди бурь учёбы и тревог.

Но в последние дни к этим привычным, почти родным ароматам примешался новый, горький, как полынь на пустырях поздней осенью, — запах тревоги. Он не врвался в помещение резкой волной, а просачивался исподволь, тихо и неотвратно, и всегда веял от двери комнаты профессора Кифри. Он сочился из каждого угла, пропитывал пергаменты, оседал на кончиках перьев, заставляя их дрожать в пальцах учениц в те часы, когда беловолосый учитель замыкался в своей келье или оставлял их на попечение Олруджио.

Коко сидела за своим рабочим столом, оттачивая навыки черчения заклинания, которое ей оставил учитель, но перо так и не коснулось листа. Чернила в чашечке подернулись плёнкой, как застоявшаяся вода в забытом пруду, и на их тусклой поверхности плясали слабые отсветы одинокой свечи. В этом мраке, пронизанном тенями, задумавшаяся Коко отчётливо видела в своём воображении отчаянного Кифри с заложенными и скованными руками за широкой спиной. На его лице никогда нельзя было угадать настоящих чувств: он казался высеченным из бледного мрамора — не живым человеком, а статуей, холодной и неподвижной, будто созданной, чтобы хранить чужие тайны.

Его седые волосы, появившиеся в столь раннем возрасте, обычно небрежно спадали на правый глаз, скрывая часть лица, словно профессор сам хотел укрыть от чужих взглядов то, что не предназначалось для посторонних. Однако однажды Коко, заглянув в комнату спящего профессора по очень любопытному поводу, нечаянно заметила скрытый за второй чёрной линзой его миниатюрных очков на переносице шрам и пустую глазницу, прикрытую веком. При тусклом лунном свете, который тонкими серебряными лезвиями прорезал темноту, шрам выглядел уродливее и глубже, чем прежде: тёмная трещина на фарфоровой коже была следом чьей-то жестокой прихоти и напоминанием о неизвестном происхождении учителя. А единственный лазурный глаз дрожал во сне под белёсыми ресницами от кошмаров, пока его грудь за чёрной водолазкой поверхностно и прерывисто вздымалась, будто ему не хватало воздуха даже во сне.

Коко, не решаясь зайти, пряталась за деревянной дверью с кованым кольцом ручки. Дерево было старым, шершавым на ощупь, и казалось, что оно хранит в себе шёпот всех разговоров, когда-либо прозвучавших в этом доме. Она боялась издать хоть малейший шум, чтобы не спугнуть хрупкий сон учителя, и в то же время ей отчаянно хотелось разбудить Кифри ото сна, из-за которого он морщился и сжимал одеяло заправленной кровати. Ведь часом ранее он рухнул на постель без сил и надежды отыскать след Шляпников, и эта усталость лежала на нём тяжёлым плащом, который никто не мог с него снять.

И тогда Коко, сжав губы в тонкую нить, тихонько закрыла тяжёлую дверь и начала искать зелёными очами что-нибудь, что было не жалко разбить. Её взгляд метался по комнате, цепляясь за глиняные горшки, за полки с банками, за старый шкаф, покрытый слоем пыли и заклинаниями, которые уже почти стёрлись от времени. В гостиной раздался грохот — резкий, оглушительный в ночной тишине. Он расколол сон Кифри, который всегда из-за своего волнения спал довольно чутко. Или же его вырвал из сна не грохот, а крик Коко. Его тело тут же вско-

чило с кровати, и он бросился к двери, распахнув её со всей силы. Дверь ударилась о стену с глухим стуком, и Кифри чуть не прихлопнул вышедшего на звук Олруджио.

Вздёрнутый, взъерошенный молодой человек с прядями чёлки, скрывавшими шрам, опомнился, когда чуть не столкнулся с другом, и схватился за глаз, будто проверяя, на месте ли он. Кифри на мгновение замер, потом вернулся в комнату и побежал вслед за Олруджио в гостиную, где посреди ночи Коко симитировала плач. Она разбила все горшки в доме, сбила целый шкаф, намеренно испортила заклинание, прикрывая свою затею. Она хотела наколдовать поток воды в чайнике и переборщила с напором: вода ударила в полку, опрокинула тяжёлые сосуды, и те падали один за другим, издавая глухой, тяжёлый звук, от которого вздрагивали стены.

Кифри испугался — и больше всего за Коко. Он толкнул облегчённо вздохнувшего Олруджио за плечо, подбежал и склонил колено перед сидевшей на полу Коко в ночнушке. Он взялся за её ладони и лицо, проверяя, всё ли с ней в порядке, будто хотел убедиться, что она настоящая, а не видение, сотканное из теней и страхов.

— Ты не поранилась?! — спросил он, и в его голосе прозвучало столько тревоги, что она почти звенела, как натянутая струна.

Олруджио, поглаживая небрежную короткую бороду, хотел напомнить Кифри, что он не нянька, а колдовской наставник, но слова застряли у него в горле. Вместо этого он просто взялся за метлу и начал расставлять сосуды обратно на полку, стараясь не смотреть на эту сцену, будто если он не будет видеть, то и не придётся ничего чувствовать.

А Кифри тем временем притянул к себе хитрую девчонку, которая тут же обняла своего учителя за шею. Коко улыбалась и клялась, что больше не будет обманывать Кифри. Он обнял совестно вздёрнувшую брови ученицу и поднял её одной рукой, а второй ласково провёл по спине, успокаивая и предлагая рассказать о причине, почему она не спит.

И, видя ласку и доброту учителя, Коко было больно осознавать, что он готов был победить все её кошмары своими сочинёнными сказками и выдуманными на ходу забавными историями из практики, лишь бы она была спокойна. Он мог рассказывать о том, как однажды перепутал ингредиенты и вместо зелья невидимости получил зелье, окрашивающее всё вокруг в ярко-розовый цвет, или о том, как его самого в юности чуть не утащил болотный дух, приняв за редкий вид лягушки. Он умел превратить любой страх в смешную историю, и в этом была его тихая магия.

Однако об ужасах, что терзали его самого, Кифри никому не рассказывал. Они жили в нём, как тёмные птицы, что прячутся в глубине чердака и ждут своего часа, чтобы вырваться наружу. И Коко чувствовала это, даже если не могла назвать словами. Она знала: пока он защищает её от кошмаров, кто-то должен беречь его от собственных теней. Но пока она могла только прижиматься к нему крепче и обещать, что больше не будет его пугать. А он, в свою очередь, делал вид, что верит ей, — и в этой маленькой лжи было столько тепла, что его хватало на двоих.

Однажды профессор поведал Коко тайну своего проклятия — в тот вечер, когда после громкого сражения в городе они остались наедине. Ателье, обычно наполненное тихим шелестом пергаментов и запахом воска, теперь казалось настороженно притихшим, будто само пространство прислушивалось к каждому слову. Кифри был тяжело ранен: его дыхание звучало как далёкий, неровный прибой, а в движениях сквозила та особая, горькая усталость, которая приходит не от долгого пути, а от тяжести, которую несёшь внутри. Он предвидел близкую смерть, но не хотел с ней соглашаться и уж тем более умирать вдали от своего ателье. Ему было важно смотреть на эти стены, на полки с банками и склянками, на тусклое золото корешков любимых книг — даже после того, как проклятие окончательно поглотит его.

Пока Коко, сбита с толку, пыталась понять, о чём идёт речь, и боялась, что это лишь бред измученного учителя, Олруджио оставил их у полуразрушенных стен здания, где ветер

гулял между трещин и выстукивал печальную мелодию по осколкам кирпича. В этой звенящей тишине Кифри снял очки, приподнял чёлку и показал ей шрам — тот самый, из которого, словно вопреки законам природы, прорезались серебристые листья и цветки дерева. Тонкие прожилки на лепестках мерцали, будто в них застыло чужое, холодное сияние.

Коко была ошарашена. Она упала к ногам Кифри на колени, схватила его руку и сжала так крепко, словно хотела передать ему всю свою живую теплоту, всю силу своего юного сердца. Она сопротивлялась его наихудшим прогнозам не словами — словами тут было не справиться, — а этим упрямым, почти отчаянным прикосновением. Кифри, обездвиженный болью и слабостью, не хотел, чтобы она его жалела. Он терпеть не мог жалость — она пахла пылью и прощанием. Поэтому он просто продолжал рассказывать правду о себе, доверяя её только Коко, потому что знал: она достойна того, чтобы знать. Она была из тех редких душ, что умеют хранить чужие тайны, не превращая их в оружие.

Он поведал ей, что когда-то был связан с шаманами, хотя толком и не помнил этого: память о тех днях рассыпалась, как старый пергамент, стоило только потянуть за край. Но обрывки воспоминаний приходили к нему в кошмарах: когтистые руки, ледяные столы в подземных лабораториях, где воздух был так холоден, что дыхание превращалось в иглы, впивающиеся в горло. Там они что-то лихорадочно искали в нём, проводя ритуалы и забирая энергию, потрошили его душу и тело, как часовщики разбирают тончайший механизм, чтобы найти в нём какую-то неведомую деталь. Но не нашли ничего, кроме его собственной воли — упрямой, неподатливой, звенящей, как натянутая струна. А потом, отчаявшись, подселили ему Семя и заперли в ящике, зарыв заживо в земле.

— Это проклятие питается чувством покоя, — хриплый голос Кифри звучал ровно, но Коко улавливала в нём ту самую натянутую струну, готовую лопнуть от малейшего прикосновения. — Корни ползут по венам, стебли обвивают кости, листья разворачиваются под кожей. Мне просто не дано быть счастливым. Поэтому я так рьяно хочу, чтобы вы с девочками были счастливыми рядом со мной. Я хочу отдать вам это чувство, так что живи и радуйся вместо меня, милая. Но никогда не отдавай своё счастье в чужие руки — это и есть твой дар, поняла, Коко?

Ученица с травянистыми волосами до плеч слушала, и ей казалось, что её сердце скребётся о рёбра, пытаясь вырваться из груди. Для неё это откровение перевернуло всё: её детское восхищение магией, её наивную веру в то, что волшебство — это только свет и чудеса. Теперь она видела, что магия рождает соперничество, становится причиной войн и страданий, нарушает баланс сил в мире. Но ещё она поняла, что не сама магия была виновата — виноваты были люди, которые брали в руки божественную науку и превращали её в оружие. Коко осознала, как она юна и наивна, как мало понимала человеческую природу. И в то же время она ясно увидела намерение Кифри: он хотел сохранить в ней веру в светлое волшебство, потому что именно эта вера была их спасением. Именно она позволяла им видеть в магии не проклятие, а истинное знание и потребность делиться светом и благом, веря в его чистоту. И Коко поклялась себе, что ни за что не подведёт его.

Кифри учил их — Коко, Агату, Риче и Тетию, — что магия — это надежда, свет и добро, это чувство радости и великодушия, которым необходимо делиться. Он нарушал государственные запреты, но делал это так тонко, что даже Башня мудрецов, пристально следившая за опасным и могущественным колдуном, не могла поймать его на горячем. Он разрешал помогать людям вне законов, но так, чтобы ни стражник, ни клиенты не становились свидетелями магии. Сам же Кифри жил в клетке ограничений: Башня не давала ему свободы, не давала права на радость. Каждая улыбка, каждый момент тихого счастья приближали его к гибели — медленной, неотвратимой, как наступление зимы. Поэтому он сознательно, не жалея себя, отдавался служению: передаче знаний, воспитанию учениц, тайной охоте на Шляпников, рискуя лишь своей жизнью.

И тогда для Коко пробил час начать свою тихую, отчаянную войну. Её фронт пролегал не в битвах, а в мелочах: она решила, что магия должна быть светлой и приносить счастье абсолютно всем, в том числе и Кифри. И если она пока была слаба, если не могла снять с него проклятие одним заклинанием, она могла хотя бы не давать ему застывать в тяжёлой тишине, не позволять покою, который был для него ядом, опускаться на его плечи.

Утром она нарочно опрокидывала чернильницу на его любимый фолиант — тот самый, с золотым тиснением на корешке, который он перечитывал в редкие минуты отдыха. Густая чёрная жидкость растекалась по странице, поглощая изящные строки, словно ночь, наступающая на рассвет.

— Ой! Простите, учитель! — восклицала Коко, но в её зелёных глазах с золотистым сиянием не было ни капли настоящего раскаяния — только озорной блеск, в котором пряталась надежда.

Кифри суетился, иногда прятал раздражение за резкими движениями, но потом лишь вздыхал и шуточно дразнил ученицу:

— Ну что с тобой делать, непоседа? Пойдём-ка лучше в городскую лавку — купим новые чернила да пряностей, чтобы хоть чай был с характером.

Днём, уже в городе, Коко «случайно» смешивала не те реактивы в лавке торговца вместе с его внуком, с которым она крепко дружила. Они тестировали магию, не думая о последствиях, и вскоре кладовку на полчаса заволокло едким малиновым дымом, от которого щипало глаза и першило в горле. Кифри, сидевший в мастерской со своим давним приятелем, стариком-кузнецом, прислушивался к тишине, а потом срывался с места и бежал по винтовой лестнице вниз, к шкодникам на складе. Закашливаясь и хмурясь, он вытаскивал детей, обхватывая их обеими руками, пока торговец распахивал окна, выпуская свежий воздух. Коко, задыхаясь, но внутренне ликуя, наблюдала, как лицо учителя искажается недовольством. В эти мгновения она чувствовала: пусть он сердится, пусть ворчит — главное, что он здесь, живой, тёплый, настоящий.

Выслушивая замечания наставника, девчонка стояла, мялась и теребила мятый колпак на голове. А Кифри вдруг прерывал речь, закатывал голубой глаз к стеклянному куполу лаборатории, где изнутри росло Серебряное дерево — то самое, из которого изготавливали волшебные чернила. Прощая Коко, он брал её за руку и вёл в самую известную трапезную города. Там он покупал ей на рынке разные украшения и милые безделушки, о которых она даже не просила. И ученица весело кружилась вокруг Кифри, примеряя обновки и разглядывая магические артефакты, которые вызывали у неё восторг и смех. Наставник не жалел одолженного у Олруджио кошелька на такие походы с Коко — и в этом была особая, тихая щедрость, которую она чувствовала кожей.

Вечером Коко взбиралась на спину Кифри и пользовалась учителем вместо волшебной скоростной метёлки. Она обхватывала его шею и вдыхала любимый аромат свежести и лунных цветов — тот самый запах, который появлялся, когда раскрывались ночью гортензии с голубоватым отсветом звёздного небосвода. Небо простиралось над ними, как на ладони, а под ногами будто расстиралось море из белых лепестков, вздымающихся от воздушной волны. Их ароматом пропитывались седые волосы учителя, когда он ненадолго опускался на поле, окружавшее ателье, — на бескрайней равнине вдаль от других поселений, на холмах, где ветер был чище, а тишина — прозрачнее. Коко обожала наполнять этим запахом лёгкие, иногда чихая от резкости нот сандала и уда, и в этом чихе было столько жизни, что оно казалось маленьким бунтом против любого проклятия.

Она в шутку отпускала наставника, когда тот отвлекался и заговаривался о планах, что приготовить на ужин, если Олруджио обиделся и не оставил для них порцию в этот поздний час. Тогда она падала в мягкие цветы на низкой высоте, как в облако. Но Кифри тут же замечал пропажу на спине, ловко делал крюк, хватал за руки хохочущую Коко, изумрудные волосы

которой подбрасывал тёплый ветер, и летел дальше, держа девчонку так, будто она ничего не весила. Он лучезарно улыбался, бросая взор вниз на босые ноги Коко, которая бежала по верхушкам плотно разросшихся цветов белоснежных гортензий и представляла себя феей в его руках. А потом он бережно ставил её на землю перед порогом ателье, и в этом жесте было столько заботы, что она могла бы унести её с собой, как светлячка в ладонях.

Риче и Тетия смотрели на неопрятный вид Коко с недоумением и спешили обратить внимание наставника на себя, будто боялись, что он забудет о них в этом вихре её проделок. Провожая всех к столу вместе с ворчливым Олруджио, который всё-таки соизволил оставить коллеге немного мяса и супа, Кифри незаметно оставлял в травянистых волосах ученицы маленький бутон гортензии — совсем недавно раскрывшийся, с салатовой сердцевинкой, такой же, как цвет волос Коко. Замечая этот тайный жест первой, Агата поджимала губы и отказывалась разделять ужин со всеми, несмотря на уговоры сияющего Кифри. В её тёмных аметистовых глазах читалось осуждение: ей казалось, что он тратит своё драгоценное внимание на пустяки. Но Коко не обращала внимания. Она продолжала свой маленький саботаж, каждый раз изобретая новые способы нарушить покой учителя: то рассыпала соль на его чертежи, то замыкала раньше времени контур заклинания, то задавала самые нелепые вопросы в самый неподходящий момент. Это бесило собранную Агату, которая мечтала быть лучшей ученицей Кифри и терпеть не могла, когда он отвлекался на мелочи.

Но Коко делала это не из вредности. В её голове жила упрямая надежда: проклятие древа питается покоем, а значит, если она не даст Кифри застыть в тишине, если будет постоянно дёргать его, будоражить, заставлять реагировать, то корни, жадно тянущиеся к теплу и безмятежности, не найдут пищи. Ей казалось, что они втягиваются обратно, сворачиваются в тугие клубки, не находя желанной тишины. Она верила, что может продлить ему жизнь, став самой проблемной ученицей, самой большой занозой — и при этом всё равно стремиться соответствовать его высокому уровню, стать настоящей колдуньей, которая сумеет спасти и осчастливить всех.

А потом красочное лето сменилось увядающей осенью. Поля гортензий, которые ещё недавно казались бескрайним морем белых волн, увяли и превратились в торчащие прутья из засыпающей земли. Вскоре землю укрыл толстый снежный покров, и мир стал тише, холоднее, будто затаил дыхание. Но в ателье Кифри по-прежнему пахло травами, воском и пылью, танцующей в косых лучах, — и пока этот запах жил, жила и надежда Коко.

Небо в тот день обрушилось на горы не просто дождём и снегом — оно рухнуло всей своей тяжестью, будто сам небосвод треснул, и из разлома хлынули грозовые и снеговые тучи. Они стелились по склонам, сливаясь с туманом, стирали очертания вершин и превращали знакомые тропы в ловушки из льда и тени. Ветер выл, словно раненый волк, мечаясь между скалами, срывая с вершин камни и швыряя их вниз — они катились по осыпям с глухим стуком, предвещая беду.

Этот вой смешивался с треском молний, бивших по голым камням и высекавших искры; казалось, сама гора стонала под натиском стихии. Бдительность людей не ослабла от усталости — её смыло яростным потоком холода и тьмы, и проведение важного экзамена сделалось невозможным. Учителя и ученики оказались отрезаны от мира в горном проходе, где не было ни укрытия, ни спасения: лишь ледяная крупа, секущая лица, да серый сумрак, стирающий границы между землёй и небом, будто мир сжался до узкой щели между скал.

Коко помнила каждую деталь того пути: как холод пробирался под бирюзовый плащ и впивался в кожу тысячами ледяных иголок; как ветер дёргал бежевую юбку с белым подъюбником, выворачивая ткань, точно пытаясь сорвать её; как пальцы немели и она сжимала кулаки, лишь бы не потерять ощущение собственного тела; как дыхание превращалось в облачка пара и тут же уносилось ветром — словно даже её собственное тепло было не нужно этому враждебному миру.

Вместе с Риче, Тетией и Агатой она шла к пещере уже несколько часов — туда, куда направили учеников и учителей организаторы. Снег становился всё глубже, и каждый шаг давался как подвиг. Кифри нёс на спине выбившуюся из сил Риче и одновременно держал за руки Агату и Тетию, чтобы вести и тянуть их там, где снег доходил ему до пояса. Движения его были тяжёлыми, но неумолимыми: он не позволял себе остановиться, даже когда дыхание становилось хриплым, а плечи опускались от усталости. Коко шла позади, держа за руку Олруджио; тот шагал прямо за Кифри, прикрывая тыл и сканируя пространство насторожённым взглядом.

Ещё задолго до начала экзамена Кифри заподозрил помеху. Он чуял её, как зверь чует капкан: в чересчур гладких распоряжениях организаторов, в неестественной тишине перед бурей, в том, как стражники Башни мудрецов держались слишком прямо, будто ждали команды. Он знал, что Шляпники не упустят такого шанса, и потому не подпустил девочек к группам, которые вели стражники. Когда пещера обрушилась, замуровав наставников других школ, это лишь подтвердило его худшие опасения.

Слуги Башни мудрецов вступили в бой с вызванными теневыми сущностями посреди стужи. Лёд и тьма стали союзниками врага: тени скользили между снежных вихрей, и их клыки щёлкали в опасной близости от лиц тех, кто минуту назад был наставником, а теперь стал жертвой. Кифри и Олруджио увели учениц от сражения обходным путём вокруг горы — по узкой тропе, где снег был глубже, а ветер — злее.

Коко видела, как голубоглазый наставник едва сдерживался, чтобы не сорваться в бой: она замечала, как сжимались его пальцы в кулаки, как в глазах вспыхивал холодный огонь, готовый вырваться наружу. Но сейчас важнее было защитить их — Риче, Тетию, Агату и её, Коко. Потому он гасил этот огонь, прятал его за маской спокойствия, которая, впрочем, трещала по швам от напряжения.

А потом всё пошло прахом. Остальные ученики других школ были обращены шаманами в дикие тени: они бросались с клыками на своих наставников, и в их движениях не осталось ничего человеческого — лишь слепая ярость и холод, проникающий до костей. Предвидя, что Шляпникам нужна именно Коко, Кифри попросил Олруджио увести остальных девочек на противоположный склон горы, а сам подхватил отстающую зеленоглазую ученицу левой рукой, отрываясь от погони, которую на их след пустил шаман.

Держа в покрасневших от мороза руках блокнот учителя, Коко замыкала круг, обороняя тыл, пока седовласый молодой человек обманывал траектории ударов Шляпника, с трудом отталкиваясь от проваливающихся сугробов. Его движения оставались резкими, экономными, выверенными годами тренировок, но снег предательски замедлял каждый шаг, превращая опытного мага в человека, который заново учился ходить.

И тут грянул удар. Громадный огненный шар врезался в склон, превратив снег в пар и опалив камень горы. Воздух наполнился запахом озона и гнилой древесины; этот запах въедался в лёгкие и заставлял кашлять. Кифри сжал челюсти и молниеносно отбросил Коко в сторону — рискуя, что она поранится о камни, но спасая от прямого удара. Затем он начертил заклинание прямо из снега: растопил лёд и поднял водную завесу, словно знаменитый водный маг. Но взрывная и водная волна захлестнула и его самого, отбросив вниз по склону; молодой наставник прокатился по снегу, теряя ориентацию, но не теряя воли.

Силуэт, представший перед дрожавшей от страха юной волшебницей, был искажён маской с рунами и причудливыми полями шляпы. Алые бусы на шляпе позвякивали в такт зловещному шествию шаманки к жертве. Она ступала по снегу так, будто касалась наста лишь половиной стопы, и хруст снега под её ногами звучал, как хруст костей. За чёрной бесформенной мантией руки шаманки вертели посох, закидывая Кифри валунами, от которых он едва успевал уворачиваться, упрямо пытаясь подняться к Коко.

В её движениях сквозила странная, почти балетная элегантность: руки в бордовых перчатках до локтя изгибались, как ветви в лунном свете, а серые вязаные чулки выше колен открывали женственную лодыжку — и этот контраст между хрупкостью и смертоносностью делал её ещё страшнее. Она не трогала девочку и не собиралась обращать Коко в теневую сущность зверя: это лишь подтверждало опасения Кифри. Шаманам нужна была Коко не как жертва, а как инструмент — вероятно, как неокрепший ум, полный любопытства и жажды освоить магию, которую шаманы могли использовать для своих целей.

Кифри вышел вперёд, заслонив собой ученицу. Его белый плащ развевался, как знамя, и в этом жесте было столько отчаянной решимости, что у Коко перехватило горло, а сердце забилося, где-то в горле, мешая дышать.

— Бегите! — крикнул он, не оборачиваясь.

Но Коко не побежала. Она будто вросла в снег, не в силах отвести взгляд от разворачивавшейся перед ней битвы. Она видела, как Кифри чертил круг в воздухе, и светящиеся линии складывались в сложный узор, пульсируя, как живые вены. Видела, как ледяные клинки Шляпников рассекали магическую защиту, разбивая её вдребезги, точно тонкое стекло, и осколки разлетались, сверкая в снежной пыли. Видела, как одно из заклинаний, извиваясь чёрной змеей, впилося ему в правое запястье: Кифри лишь поморщился, но не издал ни звука, только сплёвывал кровь изо рта, будто избавляясь от горечи поражения.

Он обратил неудобства снега в свою пользу: собрал влагу из воздуха и из снега, превратив её в острые камни, и направил их на врага. И вот он уже мчался на водяном драконе к шаманке, а Коко отбегала от угрожающей фигуры, подбирала пару вырванных из блокнота учителя листов с заклинаниями и пыталась использовать их против Шляпницы, вжимаясь в скалы от безысходности и понимая, что её силы ничтожны перед этой мощью.

Из-за завесы выюги водяной дракон неожиданно сбил шаманку, и та цыкнула девчонке: — Надоела, — и направила посох с торчащими гвоздями и рубином на Коко, воссоздавая из пустоты чёрные шипы.

Кифри, прыгнув с призванного элементарного существа, заслонил ученицу правой рукой. От силы вонзившихся снарядов он отшатнулся к скале, закрывая собой Коко, опустился вместе с ней и укрыл от воды за своим плащом. Дракон к тому времени из-за сломанной с глухим хрустом ведущей руки Кифри разбился о гору, потянув время и заставив чуть не захлебнувшуюся шаманку отхаркивать воду из лёгких.

— Учитель! Как вы?! — Коко схватила за длинные рукава бежевой мантии; её пальцы дрожали, а глаза были расширены от ужаса. Она подняла голову на Кифри, который даже не вскрикнул от пронзившей его боли. Теперь он был выведен из боя, а для колдуна потерять руку, которая писала заклинания, означало неминуемое поражение.

— Всё хорошо, Коко. Тебе нужно спрятаться. Прodelай отверстие в горе заклинанием Риче и заслони вход на какое-то время. Не переживай за меня. Я же твой учитель, и это я беспокоюсь о тебе, поэтому будь послушной девочкой, — произнёс седовласый молодой человек, прижимая её голову к своему плечу. Он лишь вздрогнул, когда ведущая рука безвольно повисла плетью. Кровь залила снег алыми рубинами; эти рубины расползлись, растаяли, смешиваясь с рваными сугробами на краю крутой горы, будто сама земля плакала.

Кифри поднялся с колен, не позволяя себе сдаться. Он не мог обречь ученицу на те же пытки секты, которым поддался сам, будучи ещё ребёнком. Только не Коко.

— Я не дам им забрать тебя. Доверься мне, — произнёс наставник, приглаживая её травянистые, тонкие и шелковистые волосы. И Коко подумала, что, если Кифри ещё способен на ободряющие речи, значит, всё в порядке. Но она видела, что он не может вычертить заклинание сломанной рукой.

Тогда Кифри, поднявшись на ноги, открыл перо волшебной палочки зубами и начал чертить левой рукой заготовки, хотя каждое движение давалось ему как пытка. В этот момент к

ним вернулась Шляпница, поднимая потерянный в снегу посох. Её бусы звенели, как погребальные колокольчики, предвещая конец.

Коко не решалась сдвинуться и потерять из виду наставника, но подоспевший Олруджио подхватил её и унёс в безопасную пещеру вместе с остальными девочками. Агата взяла на себя роль лидера и отбивалась от проникавших теневого тварей точными и эффективными заклинаниями. Только Коко, оказавшись за спинами Тетии и Риче, не находила себе места. Её тело замерло, она почти не дышала, глядя в пустоту и на свои руки, на которых запеклась кровь учителя. Мысли её крутились вокруг одного: как он там, на поверхности? Она не должна была оставлять его одного. Ей казалось, что неминуемо произойдёт страшное событие, а наставник нуждается в помощи. Но на что они способны с девочками?

«На что способна я?» — отчаянно спросила себя Коко, и этот вопрос бился в её груди, как раненая птица.

Через пару мгновений гора содрогнулась. Сначала Коко подумала, что это лавина, и действительно, когда Агата откатила валун от входа в пещеру, им мешал снег. Но эта лавина была вызвана не природой — её породило нечто иное. Ученицы ателье, притаившись, убедились, что вокруг тихо, и выбежали толпой, ища учителей.

Первой Агата обнаружила Олруджио без сознания: он наполовину оказался погребён под толстым слоем снега. Риче и Тетия начали вытаскивать его; их обмороженные руки дрожали, но они не останавливались. А Коко, подошедшая самой последней, споткнулась о торчавший из-под снега корень дерева, и её тело пронзил ток, будто сама гора крикнула ей о надвигающейся беде.

Подняв глаза на выступы горы, Коко увидела, как почти на самой вершине из-под снега, пробивая лёд, пробивались шипы и корни серебряного дерева. Они сплетались, росли, утолщались, образуя гигантский ствол серо-голубого оттенка. Гора после прекращённого боя стояла вместе со стужей; камни сыпались и трескались от напряжения, и Коко, не думая ни о чём, кроме учителя, начала карабкаться вверх, к видневшейся верхушке древа с серебристой листвой.

Она сбила дыхание, царапала ладони и колени о камни и лёд, не замечая боли. По её щекам стекали горькие слёзы и тут же замерзали на колючем ветру, превращаясь в ледяные бусины. Её стон от тяжёлого и крутого подъёма прорвался в истеричный крик: — Нет, нет, учитель, нет!

Взобравшись на ровный выступ горы, Коко потеряла дар речи. Плоть Кифри уже запутывалась, становясь корой: седые волосы обрастали серебристой листвой, а из глаз и раненой руки прорастали ветви, охватывая тело проклятого молодого человека, как удушающая змея. Но Коко всё ещё слышала и чувствовала, как стонали корни, как трескали ветви над мягким и тёплым телом, как где-то внутри дерева билось, затихая, человеческое сердце.

— Учитель, Кифри! Вы же слышите? Учитель, — прошептала Коко, подползая к подножию исполина, потому что ноги уже не слушались её, и она почти не ощущала их.

Кифри, наполовину вплавленный в ствол проклятого древа, погружался в вечный сон, но вопль ученицы ещё удерживал его в сознании. Его тешила лишь мысль, что свои ветви он завещал мастеру по изготовлению чернил — хоть чем-то он станет полезным.

Коко бросилась к нему, разгребая снег голыми руками у его ног и вырывая ветви вокруг его тела, не чувствуя, как кора резала её нежные руки. Она взяла его лицо в свои тёплые ладони, отвела пряди белых волос, которые уже стали жёсткими, как сухие ветви, и кололись о пальцы. Кора под её руками была шершавой, но местами — тёплой, почти горячей, как у живого человека.

— Прекрати, Коко, — выдохнул Кифри с лёгкой улыбкой. Его правый глаз навсегда закрылся, веко слиплось, будто его запечатали, но левый, лазурный, смотрел на неё с беско-

нечной нежностью. — Всё-таки не зря мы решили проводить экзамен в горах. Вид отсюда... прекрасный.

— Не говорите так! — взмолилась Коко, чувствуя, как слёзы замерзают на щеках. — Мы что-нибудь придумаем! Я приведу помощь! Господина Олруджио! Стражников! Кого-то из сильных магов!

Она обернулась, ища в надежде хоть одну живую душу, но никто не шёл за ней следом к проклятому дереву.

— Всё уже случилось, Коко, — прошелестел Кифри.

— Любоваться с высоты... на то, какие замечательные ученицы у меня выросли, — вот моя награда. Я горжусь вами. Вы защитили себя. Запомни и передай остальным, милая. Всё, что нужно, я уже отдал. Теперь вы сами вольны выбрать свой путь. Ты нужна людям, Коко. Продолжи нести свой свет во имя добра и мира. Пообещай мне, что твоя магия исцелит и осчастливит таких же мечтателей, как ты.

— Не могу, учитель Кифри, не могу! Без вас я не смогу стать колдуньей! — слёзы градом катились по щекам зеленоглазой девчонки, падали на его лицо, оставляя дорожки на коре, и ей казалось, что она отдаёт ему свою жизнь капля за каплей.

Она держала его лицо и верила, что, если не отпустит, учитель не исчезнет. Что тепло её ладоней может остановить окоченение, что её слёзы могут размягчить кору, что её мольбы могут повернуть время вспять. Но он уже собирал последние искры своего угасающего сознания, как собирают угли в потухшем костре.

— Будь верна тому, что велит сердце, Коко. Только сердце — самый мудрый учитель, — произнёс Кифри и закрыл небесный глаз перед тем, как его лицо поглотила кручёная кора, а последний выдох превратился в свист ветра.

Коко сползла и скользнула вниз по необхватному стволу серебряного проклятого дерева и разревелась, как ребёнок, в последний раз отдавая своё горе этому равнодушному небу.

Её нашёл очнувшийся Олруджио вместе с девочками через четверть часа — они едва успели попрощаться с Кифри. Синеглазый брюнет, потрясённый потерей, не подавал вида при детях, хотя был готов издать горестный рёв. Он поднял Коко за руку с холодного снега, но его глаза смотрели прямо на окровавленную руку Кифри, которую охватывала кора, навсегда скрывая следы тела друга. Теперь здесь находилась могила, которую он выбрал сам. Шаманка воспользовалась заклинанием усиления, обманув колдуна стихии воды: она сомкнула удар и прицелилась ему прямо в глаз, чтобы избавиться от того, кто так опекал желанную наследницу клана шаманов.

На горе возвышалось дерево, похожее на молчаливого стража. После того дня Коко казалось, будто Олруджио постарел на десять лет за одну секунду. Он совсем запустил себя и начал пропадать в кабаках, начиная с того самого вечера.

Олруджио, уводя учениц товарища, скрывал своё удручённое лицо за прямой чёлкой. Он долго о чём-то размышлял, идя по склону вниз, наблюдая вместе с девочками, как поля гортензий погружались под кристально чистую воду. Он знал, что шаманы не ошибаются. Знал, что их проклятие не снять. Кифри больше никогда не вернётся. Он сдался. Дерево останется памятником тому, кто отдал всё, чтобы спасти других.

— Трусливый эгоист, — процедил Олруджио, запиравшись в своей каморке в подвале, и растерянные девочки в гостиной слышали, как он разбивал все бутылки вина в своём погребе.

В ателье воцарилась гробовая тишина. Казалось, сам дом скорбел: ставни поскрипывали, как всхлипы, половицы стонали под ногами, а запах трав становился приторно-сладким, как на похоронах. Риче и Тетия, обнявшись, плакали в углу за столом, уткнувшись в ключицы друг друга, и их рыдания сливались в один протяжный звук, заполнявший пустоту комнаты.

— Мы останемся, — тихо сказала Тетия, вытирая нос рукавом. — Это наш дом. Мы будем хранить его память. Помогать и обучать всех желающих прикоснуться к магии, продолжая учиться, даже без профессора Кифри.

Слёзы стекали по её щекам, но во взгляде теперь читалось что-то стальное — не ожесточение, а твёрдость, выкованная горем. Она словно дала себе клятву: не сломаться и не позволить тьме, что забрала Кифри, поглотить и их дом.

Агата стояла у окна, сжимая в руках свой колпак так, что костяшки побелели, а ткань едва не порвалась. Она не плакала. Её лицо походило на маску из холодного мрамора: бледное, неподвижное; лишь в глазах пылал сухой, испепеляющий огонь — смесь ненависти и горя, настолько яркая, что от неё хотелось отвести взгляд. Когда Коко вошла, Агата резко обернулась, и в этом движении было столько ярости, что воздух будто стал колючим, пронизанным невидимыми иглами гнева.

Она швырнула в Коко чернила — чёрные капли разлетелись и осели на лице и форме ученицы, словно тёмные слёзы. Это была не просто вспышка гнева: в этом жесте таилась горькая, жестокая метафора. Для Агаты эти чернила стали образом пролитой зря крови учителя, превращённой в ничтожный расходный материал. Короткие чёрные волосы Агаты разметались, извиваясь, как змеи, и в тот миг она походила на фурию, готовую разорвать всё, что причиняло боль.

— Довольна?! — выплюнула она, и голос её резанул, словно лезвие по стеклу. — Это всё из-за тебя! Если бы ты пошла с нами, мы с Олруджио могли бы ему помочь! Кифри не полез бы в это пекло один! Он бы придумал, как объединить наши силы! Он был выдающимся магом! Я не понимаю! Ради чего учитель так старался? Почему он умер из-за такой бездарности, без статуса рода и имени, как ты?!

Каждое слово ударяло наотмашь. Агата швырнула в Коко артефакты, которые Кифри когда-то дарил ей с тихой заботой: тяжёлый пергаментный свиток с заклинаниями, специально выписанный для Коко, ударил её в грудь, заставив пошатнуться и схватиться за рёбра. Но физическая боль была ничто по сравнению с той, что сжимала сердце. Коко не пыталась защититься, не поднимала рук, не отводила взгляда. Она принимала этот гнев, потому что в глубине души соглашалась с каждым обвинением.

— Ты никчёмная! Дрянь! Ты даже не попыталась защитить его! Если бы у тебя были мозги, ты бы сдалась Шляпникам, чтобы спасти Кифри! Пока ты стояла без дела, он жертвовал собой!

Слова сыпались градом, и Коко стояла под ними, словно под ледяным ливнем, ощущая, как они впииваются в кожу, оставляя невидимые шрамы. Она мысленно кивала: Агата была права. Её наивная вера в чудеса не спасла учителя. Её слепая преданность оказалась бесполезной. Если бы она сдалась раньше, если бы предложила себя в обмен, возможно, Кифри остался бы жив. Возможно, он вместе с Олруджио нашёл бы способ спасти её, как спасал всегда. Но теперь было поздно.

Ночью, когда все уснули, Коко сняла свой колпак. Она положила его на стол, аккуратно расправив поля, будто прощалась с частью самой себя. Рядом лежал набор для черчения: перья, пузырьки с чернилами, циркуль. Всё, что когда-то казалось ей священным, теперь выглядело чужим и ненужным. Она провела пальцами по ткани колпака, ощутив знакомую шероховатость, и из глаз снова потекли слёзы — тихие, беззвучные, обжигающие. Коко оставляла здесь не просто вещи — она оставляла прежнюю жизнь, свою мечту и веру в то, что магия всесильна, когда исход зависит лишь от решимости.

Убирая последнее перо, она вдруг замерла. В уголке футляра лежал маленький засушенный бутон гортензии — тот самый, который Кифри незаметно оставлял в её волосах после их прогулок. Салатовый оттенок сердцевины почти выцвел и пожелтел, но ещё угадывался. Коко поднесла бутон к губам, словно хотела удержать запах лета, и прошептала:

— Прости, учитель. Я не предаю то, чему ты меня учил. Обещаю.

Она спрятала бутон в карман платья, туда, где билось сердце, и надела поверх простой тёмный плащ — не ученический, а такой, в котором можно было идти по дорогам, помогать людям, оставаться незаметной.

На рассвете, когда первые лучи скользнули по крышам и заставили пыль в воздухе искриться, Коко тихо покинула ателье.

Дверь за её спиной тихо скрипнула — будто вздохнула в последний раз, прощаясь с тем, что было. А свеча на столе в гостиной ателье вдруг дрогнула, выпустила тонкую струйку чёрного дыма — и потухла. Мгновенная тьма на секунду обняла комнату, но очертания опустевших полок, стол с рассыпанными угольными крошками и едва заметными следами мела всё равно проступили — там, где ещё вчера Кифри чертил схемы заклинаний, пил чай и бормотал себе под нос рунические коды шаманов, изучая их и будто уговаривая линии лечь ровно, как укрощал бы диких зверей.

В уголке, на ржавом гвозде, всё ещё висел старый колпак Коко — потёртый по краям, с выцветшей лентой; он казался теперь не частью её жизни, а осколком прошлого, забытым и чужим, словно вещь, которую оставили в покинутом доме. Коко не обернулась: она боялась, что если снова увидит эти детали, то колени подкосятся, а слёзы, которые она так старательно сдерживала, хлынут потоком, смывая остатки решимости. Ей казалось, что стоит только взглянуть назад — и она рассыплется на тысячи ледяных осколков, которые зима тут же смешает со снегом и скроет от чужих глаз.

Тропинка, выложенная плоскими серыми камнями, уводила вниз, к цветочному полю — теперь уже не цветочному, а занесённому снегом. Камни были холодными и гладкими, словно отполированными дождями и временем, но теперь их почти не было видно под тонким слоем наста, который хрустел под подошвами, как битое стекло, отзываясь на каждый шаг сухим, резким звуком. Между камнями пробивалась тонкая, почти прозрачная трава, похожая на седые нити, но её кончики были покрыты инеем, сверкавшим в редких отблесках света, будто крошечные алмазы, рассыпанные чьей-то дрожащей рукой. Густой туман стелился по земле и обволакивал босые ноги девчонки, а также цеплялся за подол её зелёного плаща, оставляя на плотной ткани тонкую корочку инея, будто хотел превратить её в часть этого зимнего безмолвия. Золотая Луна пряталась за рваными серыми облаками, будто стыдилась освещать этот мир, как и Коко, не видя смысла гореть звездой там, где не сумеет прогнать вечную ночь, и мир дальше тонул в кромешной тьме, где тени казались гуще, чем обычно, а тишина звенела, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего звука — даже от едва слышного вздоха.

Вдалеке, у кромки густого хвойного леса, огни мерцали по очереди и манили девчонку, блуждающую по окрестностям. Искры на стволах дрожали, пульсировали, словно живые существа, перескакивая с одних колючих веток на другие, и в их неровном свете деревья казались не просто стволами, а движущимся лабиринтом, готовым поглотить любого, кто осмелится войти в закрытое пространство. Иголки елей тихо скрежетали друг о друга, будто перешёптывались, обсуждая дальнейшую судьбу Коко, застывшей на дороге. Но зеленоглазая девчонка, сняв капюшон плаща, сжала кулаки так, что побелели костяшки, и сделала шаг к оврагу. Девчонка с травянистыми волосами скользнула вниз, будто сам ветер подталкивал её вперёд, и пошла вглубь чащи за зовущими огнями, принимая вызов и догадываясь, что это может быть ловушкой.

Тем не менее Коко пробиралась за огнями, опрокидывая тяжёлые, неподвижные сучья с шапками снега, смахивая с ресниц крупницы слёз, которые тут же застывали, превращаясь в крошечные льдинки. Девчонка предполагала, что сама идёт в капкан Шляпницы. Та ждала её посреди леса, скрываясь под ветвями самой высокой и бледной бирюзовой ели. Шаманка ждала, когда жертва сама окажется в её руках. Она знала, что Коко придёт. Знала, что боль и

отчаяние — самые верные проводники к тонкой границе перехода на новый виток, туда, где реальность становится податливой, как воск, а тень шепчет громче совести.

И когда Коко приблизилась к хвое, из тени выступила с приветствием фигура женщины без маски — в той же высокой шляпе с красными бусами на полях, в бордовых бархатных перчатках и серых чулках с бубенцами, тихо позвякивавшими при каждом шаге на снегу, будто отсчитывая мгновения до роковой черты ученицы знаменитого колдуна, канувшего в лету. Силуэт шаманки казался слегка размытым, будто она общалась с Коко за пеленой старого зеркала, скрытого от обычных глаз. На её плечах и чёрной скользкой мантии лежал тонкий слой снега, плетя ледяную паутину, которая, казалось, была узором из чьих-то давних обещаний, давно забытых и покрытых пылью времени.

Шляпница с алыми губами на смуглой коже щёлкнула пальцами — и воздух вокруг них дрогнул, как вода, в которую бросили камень. Огни завертелись вокруг Коко и погрузились на глубину сугробов, восстав яркой вспышкой и окружив испугавшуюся девчонку не просто кольцом единого голубого пламени — она выстроила магический барьер вокруг них, линии которого пульсировали и металась из стороны в сторону на ветру, не позволяя заметить нахождение шаманки ближайшим опытным колдунам. Даже так Коко знала, что Олруджио вряд ли придёт на помощь. Больше никто в этом мире не встанет на её защиту.

Морозный воздух между Коко и той, что представилась Хельгой, дрожал от напряжения, искажая очертания остроконечных деревьев и превращая спящий мир в зыбкое отражение той пустоты, что поселилась в душе неудачной колдуньи. Зеленоглазая девчонка смотрела прямо на шаманку, и в её взгляде не было ни мольбы о пощаде, ни желания сбежать — только острая, звенящая решимость, смешанная с болью, которая обросла и заволокла сердце Коко шипами.

Но голубое пламя Хельги не обжигало осиротевшую девчонку, которую ей стало жалко. Оно давило и сжимало грудь Коко, подталкивая к кареглазой женщине, протягивающей свою ладонь. Шляпница, расплываясь в хитрой улыбке алых губ, сужала площадь блокады одной силой мысли, ведь природа управления энергией шаманов совершенно отличалась от магов. И Коко жаждала её прочитать наперёд. В этом дрожащем и хищном свечении пожара вокруг них лицо юной колдуньи оказалось суровым и бледнее самого снега, а в зелёных глазах зрачки сузились до точки, и теперь в них не было места для сожалений и рефлексий.

— Ты думаешь, что знаешь, кто твой враг, но это не так, — проговорила строго Хельга, и голос её прокатился по заснеженной поляне, тяжёлый и гулкий, будто раскат далёкого грома в пустой долине. От её слов вибрировали камни под ногами, а тонкий лёд на лужах трескался с сухим, резким щелчком, словно вторя её словам, подтверждая их непреложную силу. Трещины расплзались по зеркальной глади, как паутина, и в каждой из них отражался холодный свет луны, искажённый, будто мир на мгновение дрогнул.

— В клане шаманов не всё так гладко, как рассказывали в гримурах колдунов или же гласило грубое слово обывателей. У нас есть разряды, коалиции, враги внутри одной организации. И я... готова пересечь эту верхушку. Понимаешь, детка, я хочу вернуть шаманам их суть, их истинное величие. Мы вовсе не злые волшебники. Мы трансляторы тонкого плана, его энергии и сущностей, что имеют прихоть бродить повсюду: то уходить в далёкие слои измерения, то спускаться на самые низы, то бишь в мир человеческий. Шаманы выступают хранителями равновесия. Мы не пачкаем руки, как это делают маги, а отдаёмся силам, что гораздо могущественнее нас. Они проходят сквозь нас, как ветер сквозь ветви, и мы становимся их голосом, их руками, их памятью.

Слова Хельги, звучавшие как приговор и как исповедь одновременно, падали в морозный воздух, тяжёлые и холодные, и разбивались о молчание непоколебимой девчонки. Шаманка шагала грациозно и неторопливо вокруг Коко, её движения были плавными, почти танцевальными, будто она чертила невидимый круг, закрепляя пространство ритуала. Коко испытывала неприязнь к тому, как женщина приглаживала её короткие травянистые волосы — этот жест

казался ей унижительным, словно Хельга хотела стереть с неё последние следы прежней жизни, сделать её податливой, как воск.

Ученица стояла, не желая встречаться с жадным карим взором женщины, которая, как она верила, была причастна к гибели её наставника. Ветер трепал каштановые волосы шаманки, приобнимал Коко за плечи ледяными пальцами, но внутри юной колдуньи всё онемело, как будто тело решило защититься от боли, выключив все чувства, кроме одной ярости — горячей, упрямой, упрямой глубоко под коркой льда, который сковал её сердце. Эта ярость не пылала, а тлела, как угли под слоем снега, готовая вспыхнуть в любой миг.

В сознании беззащитной Коко снова и снова прокручивались последние мгновения рядом с Кифри: его тихий голос, лёгкая улыбка на болезненно бледном лице, остывающая привязанность ко всему земному в его голубом взоре, в котором уже не было ни тревоги, ни надежды, только спокойная готовность принять то, что нельзя изменить. И каждый раз эта картина заканчивалась одинаково — серебристой корой, прорастающей сквозь кожу учителя, тонкими прожилками, оплетающими его пальцы, лицо, шею, словно сама природа хотела поглотить его, стереть из мира. А перед этой неизвестной силой Коко чувствовала себя беспомощной, крошечной, как снежинка, падающая в бездонную пропасть. Снежинки падали на её светлые ресницы, таяли и стекали тонкими дорожками, похожими на слёзы, которых она уже не могла пролить: все слёзы, казалось, замёрзли, превратившись в острые кристаллы, царапающие изнутри.

Хельга сняла шляпу и наклонилась перед Коко, и та на миг удивилась, что перед ней стоит молодая и прекрасная женщина с карими глазами, в которых читалась не жестокость, а жалость — но не унижительная, а сопереживающая, как у того, кто сам прошёл через одиночество и отвержение и знает, как оно разъедает изнутри, капля за каплей, пока не останется одна сухая оболочка, готовая рассыпаться от одного укола. Лёгкий ветерок подхватил пряди каштановых волос Хельги и накрыл Коко, словно пытаясь укрыть её от режущих крупниц снегопада, на мгновение создав хрупкий островок тишины. Хельга по-прежнему улыбалась, и в этой улыбке не было торжества, только усталость и решимость. На её густых чёрных ресницах и широких бровях лежал иней, но он не таял — будто холод её тела был куда сильнее зимнего, глуже самой долгой ночи, способной поглотить любой свет.

Внезапно женщина озвучила девчонке предложение, от которого Коко попятилась от неожиданности назад, к подступающему огню, и чуть не перевалилась за круг, едва не нарушив границу, удерживающую реальность от распада. Пламя качнулось, будто хотело схватить её, но не обожгло — лишь обдало волной густого, тяжёлого жара, пропитанного запахом гари и древних трав.

— Стань моей ученицей, — прошептала Хельга, обвив талию зеленоглазой колдуньи и притянув её к себе, но не грубо, а бережно, словно держала в руках хрупкое стекло, готовое треснуть от любого резкого движения. Её голос звучал теперь почти вплотную к лицу Коко, тихий, но такой же непреложный, как ледяной покров на озере. — У тебя есть шанс спасти Кифри. Не так, как привыкли сражаться маги — не силой заклинаний, не чертежами линий, а слиянием с энергией, знанием и проникновением в само логово Шляпников. Я догадываюсь, как снять проклятие обращения человека в серебряное дерево. Но для этого ты должна стать одной из нас. Ты должна научиться видеть мир иначе и понять, что истина гораздо ближе, чем кажется. Видеть ту грань, где встречаются тьма и свет, и уметь запирать и открывать эти двери.

Когда Хельга отстранилась от Коко и повернула ключ, прошедший сквозь ель и вставший в замок врат между пространствами, воздух вокруг них дрогнул, как вода, в которую бросили камень. Деревья на мгновение стали прозрачными, сквозь их стволы проступили очертания других миров — тёмных, мерцающих, полных теней и шёпотов. Шаманка протянула ей руку, облачённую в бордовую перчатку, приятную на ощупь, плотную, будто сшитую из сумерек. В сомнительности этого приглашения Коко застыла, чувствуя, как время замедляется, растяги-

ваясь, как тонкая нить, готовая порваться. Возможно, это был единственный способ спасти Кифри. Ей ничего не оставалось, кроме как войти в темноту и познать в ней свой свет, который не виден снаружи, — свет, рождающийся из самой тьмы, из её глубины и тайны.

На чёрной бумаге договора вспыхнули руны, излучая тусклое, болезненное свечение, похожее на отблеск далёких молний, разрывающих ночное небо. Они пульсировали, как живые, вычерчивая на поверхности древние знаки, каждый из которых был словно отпечаток чьей-то судьбы. Жар от рукопожатия поднялся по руке зеленоглазой девчонки, добрался до плеча, скользнул к сердцу и сжал его, раздирая все шипы, что легли на её сердце: ведь шаман должен быть освобождён от земных вещей, общественных правил и собственных чувств, становясь чистым сосудом для воплощения силы в человеческом теле. Холод и жар сплелись в её груди, заставляя кровь бежать быстрее, а мысли — становиться яснее, острее, как лезвие ножа, заточенного на льду.

Таким образом, Хельга вынудила Коко отказаться от одной из её четырёх душ — той, что хранила воспоминания, той, что привязывала к прошлому, к людям, к надеждам. Шаманка не забрала её грубо, а осторожно вынула, как вынимают занозу, чтобы рана могла зажить. И в освободившееся место она постелила ту душу, которую могла бы приберечь для себя, но щедро отдала этой неказистой колдунье, которая, по преданию, должна была стать сильнейшей шаманкой. Эта душа была древней, тяжёлой, наполненной памятью ветров и шёпотом звёзд, и она легла в Коко, как ключ в замок, идеально совпав с её пустотой.

Мир вокруг качнулся, и на мгновение Коко увидела то, что было скрыто: тонкие нити, связывающие всё живое, мерцающие линии силы, бегущие по земле, по деревьям, по воздуху, сплетающиеся в узоры, которые раньше были для неё невидимы. Она почувствовала, как её собственное тело становится проводником, как сквозь неё течёт что-то огромное и древнее, и поняла, что обратной дороги больше нет. Она сделала шаг в новый мир — и снег под её ногами потемнел, будто впитал в себя часть её прежней сущности, а затем снова покрылся тонкой коркой льда, запечатывая этот переход.

Договор заключался не чернилами — он заключался на духовном уровне, скреплённый сокровенным намерением.

Воздух вокруг Коко и Хельги задрожал, искажая очертания заснеженного хвойного леса. Казалось, сама реальность не хотела принимать этот союз: она будто сопротивлялась, вздрагивая тонкими волнами, но в конце концов была вынуждена уступить перед непреклонной волей шаманки. Хельга погрузила девчонку в своё рукотворное пространство — отшельнический уголок между реальностью и фантазией, где привычные законы мира теряли силу, а время текло иначе.

В обмен на знания Коко обязалась помогать Хельге проникать внутрь секты Шляпников, срывать их замыслы, становиться их тенью — незаметной и смертоносной. Она должна была скользить между их планами, как нож скользит сквозь порывы ветра, не оставляя ни следа, ни намёка на своё присутствие.

И Коко согласилась. Не потому, что поверила словам шаманки, а потому, что у неё не осталось ничего, кроме желания отомстить и вернуть то, что было отнято. В этот миг её душа, казалось, откололась от прежней Коко, от её тела, и на мгновение воспарила, лёгкая и свободная, будто готовая улететь прочь от всей этой боли. Но Хельга бережно, почти нежно, запечатала её в хрустальном изумрудном шаре и убрала в карман своей широкой мантии — её внутренняя подкладка отливала глубоким бордовым оттенком, словно впитала в себя отсветы далёких костров.

Оставляя позади всё, что прежде связывало её с миром магов, Коко на миг задержала дыхание, отпустила ладонь шаманки и сделала шаг навстречу порталу. Её согласие прозвучало твёрдо и необратимо — в нём не было ни дрожи, ни сомнений. Но едва она шагнула вперёд,

силы покинули её: тело обмякло, и она упала в руки Хельги, уже не в силах контролировать ни движения, ни мысли. Сознание угасло, погружая Коко в глубокий, бездонный сон.

Ритуал свершался в алом шатре — в той самой точке мира, где реальность истончалась, словно прожжённая ткань, и сквозь прорехи проглядывали иные измерения. Мрак здесь не был просто отсутствием света — он был живой, густой, маслянистый, оседал на коже гостыи липкой пеленой, глушил дыхание и делал каждый вдох тяжёлым, будто воздух наливался свинцом. Лишь пламя ритуального костра жило своей отдельной, хищной жизнью: оно рычало, извивалось, выплёвывало искры, как злые зубы, и отбрасывало на стены шатра пляшущие тени, похожие на сотни зверей. В этом багряном полумраке пританцовывающая с маленьким звенящим бубном в руках Хельга двигалась с пугающей, отточенной грацией — то растворяясь в тенях, то вспыхивая в отсветах огня. Её облик менялся, как меняется отражение в потревоженной воде: то она была юной красавицей с гордой осанкой и взглядом, в котором плескалась буря, то вдруг становилась древней старухой, чьи глаза хранили память веков. Казалось, само время плавилось вокруг неё, не в силах удержать одну-единственную форму.

Шаманка ворожила над Коко — над девчонкой с волосами и глазами, зелёными, как трава под рассветными росами. Каждое движение Хельги было не просто жестом, а древним танцем силы: пальцы скользили по воздуху над макушкой ученицы, вычерчивая невидимые линии рунического кода. Губы шептали слова на забытом языке, и внутри шатра мгновения растягивались в часы, а часы сжимались в один резкий, обжигающий вдох во время произношения мантр. Вокруг Коко сплетались алые нити — они обвивали её запястья, лодыжки, шею, словно проверяя, выдержит ли она это расщепление душ и соприкосновение их с вечностью.

И тогда девчонка осознала, что посвящение не было изящным обрядом из сказок — это была суровая инициация, где знание покупалось болью, над которой она превозмогала благодаря тета-состоянию. В традициях многих народов переход в статус шамана сопровождался испытаниями: огнём, холодом, голодом, изоляцией — как способом очистить сознание и подготовить дух к встрече с иными мирами. Именно такой путь избрала Хельга: беспощадный, в какой-то степени опасный, но, по её убеждению, единственно верный.

Коко старуха заставила танцевать на углях всю ночь, чтобы стать одним целым с огнём и вобрать силу пепла над землёй. И, кажется, это зрелище приносило ей удовольствие — отчего шаманка постукивала по барабанам интенсивнее, невзирая на шипение, стоны и усталость ученицы. Пламя лизало её ступни, кожа лопалась, волдыри вздувались и лопались, кровь смешивалась с чернотой угля, образуя на ногах тёмные узоры. Но со временем Коко перестала чувствовать боль — оставалось лишь ощущение очищения, которое разрасталось, заполняя каждую клеточку тела, вытесняя болезненные воспоминания, запуганные чувства, саму суть её прежнего «я». Эта пустота была пространством, которое должно было наполниться новой сутью. Образ этой сути Коко нашла, раскинув руки над огнём и скинув тёмную мантию колдуньи с изумрудными отблесками, как змея старую кожу.

Затем, оттащив уставшую Коко от костра, Хельга уложила её себе на колени и начала готовить смесь: кровь девчонки она должна была соединить с чернилами — густыми, тёмно-синими, пахнущими железом и чем-то древним, словно в них хранились забытые заклятия магов. Пальцы Хельги вдруг стали когтистыми, гибкими и способными одним ногтем сделать надрез на коже обмякшей руки девчонки, которая пока ещё оставалась в сознании. Коко мерещилось, что пролитая ею кровь окрашивала стены и парящие ткани шатра. Воздух был пропитан дымом благовоний — сладким, дурманящим, с горькой нотой полыни и можжевельника. Поверх этого на полу лежал морозный, металлический привкус зимы — будто сквозь щели шатра просачивалась сама стужа, желая стать частью ритуала.

Теперь Коко видела истинную сущность нависающей над ней Хельги: изборождённое морщинами лицо, тусклые карие глаза, устремлённые на то, как алые капли ударялись о поверхность чернил, растворялись в них, приобретая фиолетовый оттенок. С каждым ударом

что-то внутри Коко щёлкало, словно закрывался замок, отрезая путь к прежней жизни. Умирала слепая вера в чудеса, инфантильность и убеждение, что добро всегда побеждает зло. Девчонка позволила этому уйти, потому что верила: с этой серьёзностью она станет сильнее и сможет выдержать то, что ей предстояло исполнить.

Снаружи, за стенами шатра, ветер выл, швыряя в ткань уже не снежную крупу, а песок бескрайней пустыни. И постепенно наступила тишина — глубокая, звенящая, будто весь мир для Коко замер и затаил дыхание. Проснувшись, девчонка обнаружила себя в другом шатре — обычном, бежевом, из грубой ткани, выгоревшей на солнце. Вокруг простиралась пустыня: ровная, бескрайняя, залитая сиреневыми сумерками и алым маревом рассвета без главного светила на горизонте.

Старуха Хельга сидела напротив, у входа, и выглядела совсем иначе. Здесь, у себя дома, она больше не носила лики роскоши и страсти. Её молодая форма словно растворилась, уступив место настоящей и мудрой душе: перед Коко сидела старуха в коричневом этническом костюме и серой шубе — с глубокими морщинами на таком же смуглом лице, сгорбленной спиной и руками, узловатыми, как корни старого дерева. Она спокойно разливала травяной отвар в глиняные пиалы, и в этом будничном жесте таилось гостеприимство хозяйки.

— Теперь ты видишь меня настоящую, — тихо сказала Хельга, не поднимая глаз. — Здесь мне можно быть просто старой женщиной, которая помнит слишком много и устала от этого.

Коко медленно присела на тонком одеяле поверх расстеленного ковра, оглядывая себя: расшитое изумрудное платье под чёрной полупрозрачной короткой накидкой с широкими и длинными рукавами, браслеты с бубенцами на ногах и золотистыми обручами на запястьях, ожерелья из белых, чёрных и малахитовых бусин на чёрной кожаной нити, медальон с начертанным руническим кодом — привычным для колдуньи заклинанием. Ощущая, как песок шуршит под руками, как горячий воздух касается кожи, Коко обнаружила, что её ступни были целы — ни ожогов, ни шрамов, ни волдырей. А внутри всё беспокойство растворилось. В этот момент девчонка, отказавшаяся от мечты стать колдуньей, почувствовала, как внутри неё что-то окончательно встало на место. Она больше не искала лёгких путей. Она приняла тяжесть, которую ей предстояло нести, и не собиралась уворачиваться от судьбы.

Среди грубых шкур зверей, вязок сухих перьев, тусклых бусин и странных инструментов, чьи изгибы и грани будто хранили отголоски чужих криков, пространство шатра выглядело почти будничным — как мастерская старого ремесленника. Коко с трудом разлепила веки — будто ресницы склеились от слёз, которых она не помнила. Тело ломило, но ощущалось лёгким. Удивительнее всего было то, что мир для Коко стал серым и плоским, как старая фотография, где краски выцвели, а детали размылись, оставив лишь общие контуры. При этом она различала духов и безобидных существ, приобретших облик котов: они витали по шатру и капризно царапали ковры в убежище шаманки Хельги, угощавшей каждого пищей подношения — так же, как и саму Коко.

Однако любопытная натура зеленоглазой ученицы всё же пробилась сквозь пелену оцепенения, как тонкий росток сквозь слой льда. Пустыня встретила её не просто пустотой, а белой пустошью, преисполненной звенящего, почти священного покоя. Пространство простиралось до самого горизонта, где небо сливалось с землёй в единую унылую линию, стирающую границы между ними: не было ни края, ни начала, ни конца — только бесконечность, равнодушная и величественная.

Песок здесь был странным — не золотистым, как в тёплых пустынях, а белёсым, будто припорошённым инеем, и под босыми ногами он ощущался так же холодно, как рассыпчатый снег. Он скрипел едва слышно, словно шептал какие-то забытые слова, которые никто уже не умел распознавать. Гуляющий ветер поднимал мелкую серебряную пыль — она кружилась в воздухе, завихряясь в миниатюрных смерчах, и оседала на одежде и волосах Коко, словно

пепел сожжённого прошлого, настойчиво прилипая к каждому волокну ткани, к каждой пряди. Девчонка с лёгкостью стряхнула его с себя.

Хельга по-прежнему сидела на плоском сером камне — он был таким же безликим, как и всё вокруг, будто специально подобран, чтобы не отвлекать взгляд ни на что лишнее. Шаманка что-то жевала неторопливо, размеренно и не обращала на Коко внимания, будто та была не ученицей, а таким же своенравным духом, одним из тех, что бродят по пустошам от скуки и в поисках жизни. От этого равнодушия внутри у Коко мелькала тревога: она привыкла к радушию и вовлечённости Кифри, к его горящим глазам, когда он объяснял тонкости магии, к тому, как замечал каждую её ошибку и тут же мягко поправлял, будто оберегал её от самой себя. Здесь же никто не торопил, не требовал, не судил. Наоборот — Коко заставляли ошибаться. И в этом странном отсутствии ожиданий было одновременно тяжело и удивительно свободно: будто с неё сняли панцирь, и теперь она чувствовала, что быть уязвимой — не плохо.

— Прошли сутки, — подумала девчонка, и мысль эта была далёкой, как эхо из другой жизни, приглушённое расстоянием и временем.

— А ведь я могла бы... могла бы отмотать время и договориться с Хельгой до того, как она ускорит рост его проклятия. Вот только сжалилась бы над ней шаманка так же? И допустил бы подобное Кифри, оставшись человеком? Разумеется, нет. Всё случилось так, как должно было произойти. Спасти его таким способом значило продлить страдания и проклятие, а Кифри выбрал безмятежный покой, даже если он означал смерть.

Пока Коко стояла, пытаясь собрать себя по осколкам, к ней бесшумно подкрались сущности в облике пушистых лунных белоснежных котов — почти невесомых, с голубыми глазами, в которых отражался тусклый свет. Они запрыгнули девчонке на хрупкие плечи и настойчиво оставили перед ней передачку от Хельги: чёрную шляпу с изумрудными бусами в форме капель на концах нитей и полупрозрачную маску с начертанным руническим кодом — линии на ней мерцали, словно живая вышивка. Коко спрятала за ними свой стыдливый взор, словно эти предметы могли укрыть ту часть души, которая ещё сопротивлялась переменам.

Девчонка наклонилась к бирюзово-гладкой поверхности оазиса, ближайшего к шатру, — к воде, застывшей, как стекло, в чаше из пустыни, рядом с которой стояло засохшее дерево. В том отражении Коко увидела незнакомку. Она не узнала себя — и это было страшнее любой потери. Бусины на шее были холодными и весомыми, они тянули вниз, напоминая о тяжёлом грузе новых обязанностей, о добровольном служении Шляпникам, о долге перед Хельгой, отнесшейся к ней с неожиданным пониманием, и о тоске по дням в тёплом и уютном ателье профессора Кифри.

Коко натянула поля чёрной шляпы вниз, стараясь спрятать лицо, зная, что учитель разочаровался бы в ней, увидев эти одеяния и атрибуты. Тошнота подкатила к горлу — горькая, едкая, как пепел, оседающий на языке. Девчонка обхватила себя руками на берегу озера, будто пыталась удержать то, что рассыпалось изнутри, не дать своей сути превратиться в пыль, которую унесёт первый же порыв ветра. Она пообещала Кифри, что не даст своему свету угаснуть. Пообещала жить дальше. Проведя рукой по бусам, Коко перебирала их пальцами, не имея воли дёрнуть и разорвать, чувствуя, как сердце всё ещё ускоренно отбивало ритм, отзываясь на возвращение, к неизгладимому ужасу, того проваленного экзамена.

Замечая тревогу ученицы, появившаяся из пустоты возле оазиса Хельга незаметно подошла к Коко и заставила её признать, что между ней и Кифри есть особая связь, которую не разорвать, не осквернить и не нужно пытаться забывать: по духу они были родны, сражались за одну и ту же справедливость, видели перспективы там, где другие видели лишь стены, и были одинаково заморожены магией — не как инструментом, а как откровением. И поэтому есть вероятность того, что у них получится вернуть ему жизнь, в которой он мог бы испытывать счастье всецело.

Слова язвительной шаманки упали в душу Коко и не разбились, а растворились, оставив после себя странное, горькое воодушевление — похожее на искру, вспыхнувшую в темноте.

— Верно, я покажу ему другую жизнь, — прошептала серьёзная шаманка, и её голос прозвучал чужим, как будто кто-то другой в ней заговорил — с азартом, с жадой заполучить власть над Шляпниками, с уверенностью, которой у неё никогда не было раньше. Пар от дыхания на мгновение окутал лицо Коко за тонкой вуалью маски и тут же рассеялся, растворяясь в морозном воздухе, будто и не было никакого слова, никакого обещания — только тишина и холод.

Но прежней колдуньи больше не было. Та, что верила в чудеса, осталась лежать в холодном снегу у подножия гигантского проклятого дерева, и ветер развеял её слёзы, превратив их в изумрудные камешки, осевшие на чёрной шляпе с широкими полями. В сознании Коко поселилась новая цель — победить любой ценой. Тёмная, всепоглощающая магия, которую она получила от шаманов, была лишь инструментом на этом пути. Она стала тем, кого когда-то поклялась уничтожить. И в этом была самая страшная жертва Коко — отказаться от ценностей и правил, которые Кифри вложил в неё, как семена в плодородную почву, надеясь, что они дадут добрые всходы.

Старуха Хельга, выпустив табак из трубки алыми губами на смуглом лице, усмехнулась, наблюдая за настроем ученицы. Её глаза, глубокие и тёмные, как колодцы, видели больше, чем Коко хотела скрыть от недавней противницы, ставшей причиной крепкого сна Кифри. Но шаманка видела, как в пустых зелёных глазах девочки разгорается нечто более страшное, чем тьма, — смелость, способная сжечь дотла и её саму, и весь мир, если понадобится. Хельга знала, что путь Коко на стороне врагов не будет лёгким. Но ей было всё равно. Ей нужна была эта ярость, чтобы наследница дара шаманов была готова идти до конца, даже если конец окажется не стоящим того, ради чего Коко ступила на тропу войны.

Шляпница лишь проводила взглядом девчонку, уходящую в даль серых и бесконечных пустынь, чтобы побыть наедине со своими мыслями. Ветер шевелил полы её мантии, поднимал снежную пыль, и она кружилась вокруг, словно пытаясь удержать Коко, не дать ей уйти в эту холодную бесконечность. Но Коко шла вперёд, не оглядываясь. Теперь её чувства сидели под замком и спрятались ото всех, даже от неё самой. Но в этом эфирном пространстве, которое открывалось миниатюрными ключами в различных секретных предметах, эта бесконечность умиротворяла её и заставляла задуматься над смыслом вражды магов и шаманов, что тянулась веками, сплетаясь в сложный узор из обид, клятв и забытых обещаний.

Здесь, где не было ни надежды, ни страха, ни света, ни тьмы — только бескрайняя белая пустыня, юная шаманка искала свой путь, который станет верным только в её глазах, без поиска одобрения. Путь, который либо приведёт её обратно к оставленной возле того дерева с серебристой листвой жажде светить для Кифри, либо окончательно поглотит, оставив лишь необходимость мстить.

Глава 2

Восемь лет минуло с той ночи, когда багровое зарево пожаров окрасило небеса над Башней Магов. Там укрывались и жили отшельнической жизнью колдуны в зачарованном городе под водой, который пронзали острые и гигантские шипы из отколотых скал берегов залива колдунов. Именно так Шляпники разграбили архивы Верховного мага Белдрута и частично превратили тайный магический город в руины, несмотря на тысячу колдунов из королевского ордена Стражей..

Как ткач, время заплело раны в грубые шрамы, а память о павших — в строгие, торжественные гобелены, где каждый стежок хранил имя и подвиг. Среди них был и Кифри, невзирая на то, что он вёл крайне закрытый образ жизни в обществе и имел множество врагов, завистников и сплетников внутри Башни Мудрецов. Для Агаты, наиболее почитавшей своего наставника, эти годы стали горнилом, переплавившим желание стать сильнее в закалённый жестокий характер и беспощадность к тем, кто хоть как-то связан с шаманами. Потеря учителя, на которого равнялась, перед нападением на Башню Мудрецов, куда она сама направилась и вступила в ряды Магической стражи, оставила в её душе не просто след — она выжгла там пустоту, которую Агата теперь заполняла дисциплиной, долгом и карой, которая наносилась её руками без суда и следствия.

Фиолетовые очи, видевшие хитросплетённые обряды и ужасы чёрной магии, теперь смотрели на мир с холодной решимостью, в которой не было ни капли юношеского максимализма. Агата чётко границы своих возможностей, и корила себя за это в попытках самосовершенствования. Длинные, чёрные, кудрявые волосы, струящиеся ниже пояса, обрамляли лицо, на котором застыла зрелая усталость — будто сама судьба провела по её чертам резцом, отсекая всё лишнее, что отвлекало от цели стать неуязвимой. Агата стала воительницей — Стражем Магического Порядка, заслуженной наследницей своего великого рода. Король и Верховный маг отметили её благородные деяния почётными грамотами и регалиями, но куда важнее было другое: она стала наставницей под орденом Магической школы Белдрута, того самого, кто обучал наставника Кифри. Это был её безмолвный обет, её дань памяти и гонка за его непревзойденными навыками. К сожалению, Агата абсолютно была не приспособлена к преподаванию, из-за колких и резких замечаний к ученикам, а также слишком грубых и безжалостных методов проведения практики. Поэтому сам Белдрут ограничил обязанности Агаты и отправил в исследовательский круг, поручив стоять на защите Башни Мудрецов и личных архивов. Каждое новое поручение, каждая благодарность Верховного мага, каждое утро, начинающееся с проверки защитных периметров и обхода магических маяков, — всё было посвящено Кифри. Агата не давала повода образу профессора в своих мыслях постыдиться за неё, где бы он ни был — на той далёкой заснеженной горе или же за гранью этого мира. И всё-таки, в глубине души, черноволосая девушка по-прежнему ждала чужого одобрения, признания её заслуг, словно они могли заполнить пустоту, оставленную теми, кого она потеряла на пути к успеху. Агата оборвала связи с семьей, желавшей ей проплаченных постов, подруг, занявших свою позицию в этой войне за баланс сил магии, и самого профессора Кифри. В такие минуты, когда тишина становилась слишком громкой, Агата брала в руки старый гримуар учителя. Его страницы пахли особыми проклятыми чернилами, благовониями и ароматом листвы, что любил вкладывать и коллекционировать Кифри. Агата, запираясь в келье Башни Мудрецов, усаживалась у витражного окна на резную дубовую лавку и шептала про себя фразы, которые он когда-то говорил ей, будто это могло вернуть хоть каплю того спокойствия, что дарил учитель.

Тем временем в старом ателье, ставшем убежищем для всех нуждающихся, кипела жизнь, наполненная тихими разговорами, шуршанием страниц и звоном стеклянных пузырьков. Тетя и Ричи не позволили дому профессора превратиться в заброшенное захолустье.

В его стенах по-прежнему пахло травами и чернилами, а двери были открыты для всякого, кто искал магической помощи или знаний. Здесь лечили ожоги от неудачных заклинаний, расшифровывали древние символы и давали приют тем, кому некуда было идти..

Далеко от земного уюта, где мирно шептались две ангельские девушки, на самой кромке мира, на заснеженной вершине, царила иная реальность — острая, звенящая, почти нечеловеческая. Воздух здесь был тонок и колюч, будто соткан из ледяных игл: он царапал кожу, проникал в лёгкие, заставляя каждый вдох звучать как тихий хруст. Тишина стояла такая, что даже мысль казалась громкой, а любое движение — нарушением древнего завета. В этом безмолвии, среди бескрайних белых просторов, к серебряному дереву изредка прилетала одинокая фигура — словно тень, отколовшаяся от самой тьмы.

Возникая из морозного дыхания ветра, шаманка шагала с малахитовым посохом и золотым наконечником, который издали можно было спутать с копьём, однако тот являлся пером, которым она писала рунические коды в воздухе и властвовала куда большим пространством. Её костюм был не просто устрашающим обвесом атрибутов — чёрная шляпа, тяжёлая и строгая, венчалась золотым месяцем, лежавшим горизонтально, словно застывший миг между закатом и мраком ночи; металл тонко мерцал, отражая призрачный свет, будто в нём пряталась сама тайна лунных циклов. Тёмная мантия, плотная, будто сотканная из сумерек, изнутри была подбита золотом — и каждый её шаг сопровождался едва уловимым внутренним сиянием, как будто под тканью тлел далёкий огонь. Изумрудное платье, длинное и струящееся, падало тяжёлыми складками, подчёркивая каждый изгиб, а пышный чёрный надюбник с этническими орнаментами, угловатыми золотыми линиями, изумрудными звёздами и фиолетовыми ромбами колыхались вытянутые остроконечные лоскуты от ревущей вьюги. А видневшиеся за широкой мантией рукава до локтей, расшитые змеиным орнаментом, вились по телу девушки, как живые тени, готовые в любой миг сорваться и укусить. Эти же узоры украшали чулки, туго перевязанные золотой нитью, вплетённой в тонкие цепочки с крошечными бубенцами: при каждом шаге они издавали тихий, едва слышный звон — не музыку, а скорее эхо чьих-то забытых голосов. Ноги оставались босыми, и это было самым пронзительным штрихом: её стопы касались снега, и холод впивался в кожу, но Коко не отступала.

Она стояла перед серебряным деревом, и в это время снежинки будто замирали в воздухе. Ствол дерева отливал холодным светом, похожим на застывшее отражение луны; тонкие ветви, словно покрытые инеем и ртутью, тянулись вверх и к склону, будто пытались дотянуться до знакомых образов учений, старого друга детства и родного ателье, что прекрасно было видно отсюда в хорошую погоду. В морозном воздухе кружились редкие крупитцы, медленно оседая на чёрную ткань мантии Коко и тут же тая, оставляя на бархате крошечные капли, похожие на слёзы. Вокруг дерева витал едва уловимый запах озона и древней чернильной смолы.

Холод сковывал ноги, и каждый миг прямого соприкосновения со снегом отзывался резкой болью, но Коко терпела. Её стопы давно привыкли ощущать землю всецело — не просто касаться, а проникать в неё на энергетическом уровне, чувствовать пульс корней, как информационную сеть растений, гул камней, как предвестников бед. Это был базовый приём обороны и призыва, искусство, которому её научила старуха Хельга спустя месяц. Сейчас Коко использовала его, чтобы удержаться на склоне, который поддерживала своей магией и не позволяла треснувшему куску скалы с проклятым деревом расколоться и рухнуть к подножью гор, проводя в воздухе огромным пером для заклинаний, который имел свойство сжиматься до обычных размеров.

Вот так Коко навещала своего профессора, и с каждым разом в её зелёном взгляде всё отчётливее проступала та самая грусть за шипами барьеров чувств — словно она отрицала саму смерть, что всё может так резко закончиться..

В тот день Кифри поддался своему эмоциональному состоянию. Он оказался в ловушке собственных страхов, и каким-то неведомым образом Хельга развеяла их, странным образом

усилив действие проклятия не одним заклинанием, повредившим его шрам на правом глазу. Коко до сих пор пыталась узнать, что же именно Хельга рассказала учителю, но старуха-шаманка молчала, несмотря на все уговоры и даже угрозы. Коко рисковала, пытаясь правду, — рисковала быть обращённой в жабу и стать очередным элементом легенд про ведающих женщин с весной молодостью. До того Хельга была вспыльчивой и едва ли смирившейся с тем, что в свой шатёр приняла ещё одну живую душу на сожительство. В её карих глазах читалось раздражение, смешанное с усталостью, будто каждый день рядом с Коко был испытанием для неё, а не наоборот.

Ветер трепал травянистые волосы молодой шаманки, а вокруг простиралась бесконечная белизна, нарушаемая лишь редкими чёрными скалами, которые погрузились в глыбы льда и утонули в снегу вместе со следами битвы Хельги и Кифри.

Она приходила сюда, чтобы поговорить. Это было единственное, что удерживало Коко в паре шагов от безумия. Она садилась на ветви, сплетённые воедино, и рассказывала Кифри о своих скитаниях, о своих поисках, о магии шаманов, что теперь текла по её венам, словно жидкий огонь. Иногда девушка с длинными шелковистыми волосами цвета выжженной травы обнимала серебристое дерево, прижимаясь щекой к холодной коре, и молча роняла слёзы, которые, казалось, могли донести пленнику проклятия свою скорбь. Потом смеялась, вспоминая нелепые моменты их обучения — как Кифри пытался научить её стоять на ботинках с заклинанием полёта неподвижно, а она всё время дёргалась и падали в его объятия, или как они вместе пытались при любой бестолковой идее за бессонницей сварить зелье, которое воплощало то, что вряд ли можно было назвать экспериментом. С годами наступало смирение. Коко молча сидела у корней проклятого древа, как у излюбленного места, где к ней приходило вдохновение под склоняющимися плакучими ветвями с блестящей листвой, источающей голубое и сиреневое сияние, и слушала тишину, которая здесь была не пустотой, а знакомым голосом голубоглазого молодого человека. И странно: от этого древа, от этого безмолвного стража, девушке с безэмоциональным, словно застывшим лицом, становилось тепло на душе.

И надежда, которую утратили все, в сердце Коко не угасла. Она нашла способ спасти Кифри. Хитрость, с которой поделилась с ней старуха-шаманка в Серой Пустыне, стала её путеводной звездой, мерцающей в темноте, когда все остальные огни гасли. И за эти восемь лет Коко не раз приходилось следовать указаниям ордена Шляпников, в который удачно влилась, завоёвывая там доверие шаманов высшего ранга, переступая земные законы и мораль. Поэтому пути Коко всё чаще пересекалась с дорогой Агаты, и вскоре превратилась в тропу войны, где каждый шаг оставлял глубокий след. Стрижница, движимая обидой и чувством предательства, начала охоту на подругу, видя в каждом нарушении порядка руку не Коко, а предательницы учений Кифри. Не зря Агата узнавала её почерк в кражах редких книг и артефактов, в сорванных нападениях королевского ордена магов на орден шаманов. Вот только Коко никогда не прибегала к убийствам. Всегда обходилось минимальными потерями. Она не мучила людей, лишь временно накладывала проклятия и затуманивала разум, как змея, оставляя жертв блуждать в лабиринтах собственных кошмаров, пока сама уходила в тень, растворяясь в сумерках, как дым от погасшего костра.

Так было и в этот ясный весенний день. Повидавшись с учителем на горе с вихрастым кольцом снеговых туч, Коко вышла на охоту за ресурсами магов, и она была готова погрузиться на любую глубину, ради своей цели. Ночь выдалась безлунной, и море перед Башней Мудрецов, кишасшее монстрами, ревело внизу, разбиваясь о скалы и выбрасывая в воздух солёные брызги, которые тут же застывали в ледяные кристаллы. Коко, оседлав зачарованный ветер, пролетела к шпилю Башни на посохе с блестящим золотым остриём спереди, её силуэт мелькал среди теней, словно призрак, рождённый из самой темноты. Шаманка скрыла лицо за чёрной полупрозрачной вуалью с рунами и натянула шляпу с изумрудами на нитях по её периметру. Девушка двигалась в полной тишине, огибая невидимые глазу защитные барьеры, которые мер-

пали слабым голубым светом, едва уловимым для обычного взгляда. Её пальцы, унизанные кольцами с рунами, чертили в воздухе символы, разрушающие печати. Тихо, без единого прочтения заклинания и туши, Коко повредила барьер Башни Мудрецов, она отключила охранные заклатья в маяках одно за другим, словно опытный вор, знающий каждый замок и каждый щелчок механизма. Проникнув в одно из нижних окон, Коко налетела на стражника и не стала церемониться с ним. Она просто одурманила его мелким фиолетовым порошком и скинула в воду. Пропуская пустые залы, где пыль лежала слоями, а тени казались живыми, Коко ускоряла шаг. Её цель в этот раз была конкретной — закрытый для общественного прочтения гримуар Верховного мага Белдрута, где хранились его воспоминания об обнаружении Кифри в плену шаманов. Возможно, в черновиках исследований Белдрута для отчётности королю будет хоть одна страница о проклятии ученика..

В лабиринте архива на самом нижнем этаже Башни Мудрецов, где пыль веков лежала на фолиантах, словно седина на волосах старика, горели свечи в канделябрах ровным, неживым пламенем, отбрасывая длинные, дрожащие тени. И Коко, взмахнув рукавами мантии, встряхнула руками в перчатках и сбросила с теней их узоров на каменный пол десятков извивающихся чёрных змей с золотистой чешуёй у голов, готовых слушать приказ своей укротительницы. В ту же минуту прислужницы расползлись по коридорам, когда шаманка прикрыла густые ресницы и заимствовала их зрение, чтобы вычислить безопасный и самый быстрый путь к тайнику. Змеи попали в различные ловушки, однако Коко нашла то, что представляло для неё особую ценность, и сорвалась в полёт на посохе, держась за него очень крепко. На скорости бывшая колдунья спрыгнула в паре метров от врат под иллюзией тупика и начертила посохом с кончиком пера световые символы, в центр которых он просто впился и разорвал печать барьера, как победоносное копье. Кожаный синий переплёт оказался в руках Коко, прошедшей в келью Белдрута. Гримуар был холодным и мягким на ощупь, а тиснённые золотые символы на нём слегка светились, резонируя с выбросом энергии. Но едва рука девушки коснулась книги, чтобы тут же унять любопытство и найти в дневнике искомые записи о Кифри, дверь в лабиринты архива Верховного мага с грохотом распахнулась, эхом разлетевшись по залу и заставив пыль взвиться в воздух, словно стая испуганных птиц.

— Стоять! — раздался яростный, но дрогнувший от обиды голос Агаты.

Коко обернулась. В дверях стояла Агата, облачённая красные и белые одежды под серебряными доспехами Стражи Морали, которые поблёскивали в свете свечей, отражаясь в десятке зеркал маленькой кельи. Лицо темноволосой последовательницы рыцарей исказила гримаса гнева, но в глубине фиолетовых глаз читалось и нечто другое — глубочайшая боль и презрение к тому, что стоявшая бок о бок с ней ученица Кифри отказалась от их принципов и овладела тёмной магией в невообразимом совершенстве.

За спиной Агаты уже толпились другие рыцари Морали — их было не меньше пятидесяти человек, и каждый будто нарочно задевал соседа, отчего металл звенел, лязгал и скрежетал, словно сама тьма хотела заговорить. Они перешёптывались, и шёпот этот был неровным: то срывался в испуганный полувздых, то вытягивался в оскорбительную фразу ко всем Шляпникам. Их тени, вытянутые дрожащим светом факелов, сплетались на каменном полу в клетчатые сети. Казалось, даже выложенный камнем пол дышал этим напряжением, впитывая каждый звук и дрожь.

За вуалью, исшитой защитными рунами, которые слабо мерцали в полумраке от свечей, Коко не повела и бровью. Её длинные, прямые травянистые волосы, будто впитавшие в себя цвет сухих лугов, падали на плечи тонкими шелковистыми прядями. Эта встреча с Агатой больше не приносила радости и надежды на то, что хоть кто-то протянет ей руку помощи со стороны колдунов — теперь в каждом движении подруги читалась угроза, в каждом взгляде — холодная расчётливость. И от разбитой дружбы, которую выдумала сама Коко, всё сжималось.

— Ты не оставляешь мне выбора, — прошептала остервеневшая Агата, и её голос прозвучал как предупреждение. Она выхватила меч из серебряных ножен одним резким, отточенным движением — так, будто рука знала, что делать, задолго до того, как разум успел принять решение. Клинок засветился зачарованным розовым пламенем, что пульсировал учащенно, как и бойкое сердце Агаты. Девушка готова была биться до конца. Её клинок отбрасывал на каменные стены танцующие отсветы, которые сию минуту поглотили тени всех оставшихся тенистых змей возле шаманки.

Коко не стремилась сбежать от редкой встречи с подругой — и в этом странном, звенящем молчании между ними будто рождался собственный язык, сотканный из взглядов, напряжения и памяти о совместных днях. Словно мысленно она всё ещё разговаривала с Агатой, даже когда обнажала против неё холодное оружие. И всё равно выжидала первой атаки, будто надеясь, что в последний миг подруга одумается, опустит клинок и скажет: «Хватит». Но в глазах Агаты уже полыхал огонь долга, и шаманка читала в нём не просто ярость — а ту самую непоколебимую волю, которая гнала её к Шляпникам, чтобы утолить жажду мести за учителя.

Так они и стояли друг напротив друга, и время будто замедлилось: каждый вдох тянулся, как вечность, а воздух между ними стал плотным, почти осязаемым. В выражении лица Агаты, в жёсткой линии её плеч, в том, как пальцы сжимали рукоять меча, Коко видела не врага, а старую подругу, которую долг и боль загнали в угол. И от этого становилось только тяжелее.

Не проронив ни слова, шаманка опустила голову — не в покорности, а как бы прощаясь. Этот жест был тихим признанием: неизвестно, когда ещё состоится их встреча, и будет ли она вообще. А потом Коко резко взмахнула рукавами мантии — ткань взвилась, словно крылья ворона, и в этом движении была и грация, и сила, и готовность к прыжку. Из её ладони вырвался клуб чёрного дыма, густой и тяжёлый, как сажа, как сама тьма, собранная в кулак. Он не просто поднялся — он растёкся, поглощая свет, превращая пространство вокруг в зыбкую, непроглядную завесу.

Схватившись за чёрную шляпу, Коко повернула её широкие поля против часовой стрелки — движение было чётким, выверенным, будто она заводила невидимые часы судьбы. И тут же звякнули поднятые друг за другом в воздух изумрудные бусины и капли — они зависли на мгновение, словно застывшие ноты мелодии, которую никто не слышал, кроме неё. Это был знак, сигнал, печать на реальности. Шаманка использовала приём телепортации в точку, заранее оставленную на пути при помощи печати, и растворилась в дыме, оставив после себя лишь лёгкое дрожание воздуха и запах озона, будто где-то совсем рядом ударила молния.

Агата, сильнее прочих рыцарей, рванула вперёд — её движение было стремительным, почти звериным. Меч рассёк дым, и в нём остались лиловые светящиеся разрезы, будто клинок прорезал саму ткань мира. Но было поздно: Коко уже покинула Башню Мудрецов, унося с собой гримуар Белдрута, как самое дорогое сокровище.

Зеленоглазая девушка выпрыгнула в окно — и на долю секунды мир замер: ветер рванул полы мантии, а пространство вокруг будто сжалось, чтобы тут же распахнуться вновь. Она чуть не соскользнула с посоха, который закружил её над тёмно-синими волнами, увенчанными пеной. Волны взметнулись, окатив брызгами Агату и других догоняющих стражников — холодные, солёные капли ударили по лицам, заставляя на мгновение зажмуриться. Перед самым рывком Коко почувствовала, как посох дрогнул под ней, но тут же выровнялся, подчиняясь её воле.

Стражники не имели полномочий погнаться за воровкой: их ранг был ниже, а приоритетом оставался надзор за Башней. Они могли только смотреть, как силуэт Коко тает в воздухе, оставляя за собой шлейф дыма и недосказанности. Но провалившая миссия Агата ещё пару раз прорывала заклинания в спину шаманки — слова срывались с её губ, как удары, но все огненные снаряды, все выученные комбинации заклинаний дальнего боя пролетали мимо, разбиваясь о невидимый барьер, который Коко выстроила на лету.

А Коко ни за что не выпустила из рук гримуар — даже когда перевернулась кверху тор-машками, поймав равновесие на грани невозможного, и скрестила ноги на парящей рукояти посоха. Этот трюк был не просто ловкостью — это была дерзость, вызов самой гравитации. Ветер свистел в ушах, а зелёные глаза девушки давно так не сияли: в них горел азарт, окрылённое чувство, предвещавшее, что у неё всё получится. Она летела к отвесным скалам, где уже ждал портал — его контуры мерцали в воздухе, как трещины в стекле, готовые распахнуться в другой мир.

Тем временем Агата гневно отчитывала отряд рыцарей, и в её словах слышалась не только злость, но и горечь. Она угрызала свою совесть, которая не разрешила ей прочитать интригующие главы личного дневника Белдрута и пойти против его наречений. В этом внутреннем конфликте было что-то болезненно знакомое — будто долг и сердце тянули её в разные стороны, разрывая на части.

Вернувшись к Хельге, Коко обговорила план с наставницей — их разговор был быстрым, почти без слов: взгляды, кивки, короткие фразы, в которых умещалась целая стратегия. Времени было совсем немного: скоро информация о похищении единственной улики деяний Шляпников разнесётся по всему ордену Стражи Морали и самих шаманов, и тогда начнётся настоящая охота.

Как и подразумевала наставница, орден Шляпников воспринял поступок Коко неоднозначно. Кто-то внутри организации всё ещё верил, что бывшее дитя Света на стороне колдунов. Но Коко всячески опровергала это мнение: она устраивала частые и крупные диверсии в королевстве, ограничивала доступ всех колдунов в Башне Мудрецов к актуальным источникам о шаманах. Её действия были непредсказуемыми, дерзкими, точно такими, какими учила её старая школа. Коко должна была перетягивать внимание Белдрута и его подчинённых на себя, пока орден шаманов тайно проводил захват энергетических источников в государстве. И чем чаще она становилась причастной к этим закрытым сведениям, тем чётче выстраивалась её собственная стратегия — хитрая, многослойная, как лабиринт, в котором только она знала все выходы.

Тайное собрание проходило в иллюзорном пространстве, созданном силой мысли, — в недрах пустыни, в затопленной пещере с лазурным озером и светящимися кристаллами. Вода здесь была не просто водой: она отражала не поверхность, а глубины сознания, и в её глади можно было увидеть отголоски чужих мыслей. Но Коко туда не приглашали: Хельга отправила её в лабораторию шаманов как свою замену, потому что она была её ученицей.

И там Коко увидела всё своими глазами: многие шаманы были на самом деле алхимиками и такими же колдунами, но использовали верования гораздо глубже. Их понимание мира было куда шире, чем прикладные заклинания: у них была вера, были божества, которым они поклонялись, и они пытались защитить свой рассудок от постоянных блужданий между мирами, чтобы не разрываться с плотью окончательно.

Коко уже знала, что у каждого человека есть от трёх до семи душ — и количество это разное, зависит от освоения кармы. Порой на разных планах эти души, привязанные к одной личности, ругались, расходились, уходили в более далёкие миры друг от друга. И шаман как раз ходил между ними — был посыльным и почтальоном, миротворцем, который предлагал разрешить конфликт душ. Но существовало и другое влияние: кто-то пытался эти сплочённые души разделить, а кто-то спокойно обходился и без поддержания связи одной или двух, отказывающихся возвращаться к хозяину. Но телу того человека при жизни было худо: ведь управление жизнью переходило к той, возможно, наивысшей пилотирующей душе, которая могла быть холодной, равнодушной, чужой.

Орден Шляпников заходил куда дальше, чем просто призыв душ и сущностей, встречавшихся на пути в высших и нижних мирах. Они скрывались в глубине скал, где воздух был тяжёлым и пах железом и чем-то сладковатым, почти гнилым. Именно там они проводили

ритуалы над душами людей и сознанием: разрывали их связь с сильнейшими душами, к которым было трудно добраться даже продвинутым шаманам, и подсеяли на их место голодную и мощную тёмную сущность.

Над Кифри провели тот самый эксперимент много лет назад — в глухой лаборатории, вырубленной в толще пещеры, где даже воздух казался густым от застывшего ужаса. Каменные стены с чёрной плесенью хранили в темницах шёпот прежних криков, а тени в углах сгустились, шевелились, будто живые, втягивая в себя свет редких кристаллов в полу. В те дни здесь пахло озоном, горелой плотью и чем-то ещё, едва уловимым, похожим на запах остывшей молнии. Результаты заносили в толстые журналы: их страницы пожелтели от времени и стали хрупкими, как сухие листья поздней осени. Стоило коснуться — и они крошились в пальцах, осыпаясь мелкой пылью, будто сами пытались стереть память о содеянном. На полях кое-где виднелись бурые пятна, давно выцветшие до оттенка ржавчины; никто не решался вслух назвать их кровью, но все включённые в орден Шляпников знали правду.

Позже Белдрут перезаписал эти знания, спрятав правду о привязке и отвязке душ от колдунов. Он трудился ночами в своей башне, где ветер выл в щелях, а свечи гасли сами собой, будто сопротивляясь тому, что он делал. Высший маг запечатал страницы собственной волей — не воском и не замками, а силой слова, вплетая в каждую строчку заклинание, которое отзывалось в груди тяжёлым холодом. Белдрут счёл это знание слишком опасным: оно могло разрушить не только отдельные судьбы, но и сам баланс миров — как трещина в плотине способна однажды обрушить целую реку, смывая всё на своём пути. Когда он закрыл последний том, по комнате прокатилась волна тишины, такой плотной, что даже часы перестали тикать, пока старик не выдохнул и не позволил времени идти дальше. В этот миг он почувствовал, как усталость навалилась на него со всей ответственностью за потерпевшего мальчика, и на мгновение прижал ладонь к груди, словно пытаясь унять странное, колющее чувство вины и попечительства за сироту Кифри..

Чувствуя, как эхо тайных заговоров давит на плечи тяжёлым, невидимым грузом, Коко плотнее натянула капюшон мантии, будто пыталась укрыться не только от взглядов, но и от самого воздуха, пропитанного чужой магией. Золотистая внутренняя ткань мантии была соткана из нитей, приглушавших её энергию для идентификации, — и сейчас эти нити словно стягивались вокруг неё, как невидимые путы. Зеленоглазая девушка стояла с посохом золотистого пера в центре грота, окружённого острыми, будто лезвия, скалами, чьи грани ловили тусклый свет и отражали его колючими бликами. Белые кристаллы, заменявшие факелы, не просто светились — они пульсировали слабым белым светом, словно бились чьи-то далёкие сердца, и каждый такт отдавался в груди Коко глухим, тревожным эхом.

Вокруг шумела сквернословящая община: голоса сливались в низкий, ворчливый гул, похожий на рокот далёкой грозы. Шаманы перешёптывались, бросая на Коко косые взгляды, в которых читалось не столько презрение, сколько страх — будто она, находясь здесь, отравляет свою душу одним своим присутствием. Один из старших шаманов, пытаясь утихомирить других без криков, неловко взмахнул рукой — и костяной амулет выскользнул из его пальцев. Тот покатился по каменному полу, издавая неприятный, царапающий звук, который заставил всех гостей собрания замолчать на несколько долгих секунд; в этой внезапной тишине слышно стало даже, как где-то в глубине грота капает вода, отсчитывая мгновения, словно приговор.

А перед отрешёнными шаманами, ступая по одному из самых ярких и крупных кристаллов, который под её босой ногой вспыхнул ослепительным сиянием, будто пробудившись от прикосновения, возвысилась глава ордена Шляпников — Кендрия. В холодном, словно небесном, взгляде черноволосой женщины в белоснежной мантии читались древняя усталость и надменность, будто она несла на плечах тяжесть веков и считала это своим правом. Коко вдруг поймала себя на мысли, что узнаёт в этих чертах кого-то до боли знакомого — будто видела эти глаза и профиль в снах, которые забывала сразу после пробуждения, оставляя лишь ощущение

ние горечи вперемешку с позабытой беззаботностью. Сердце девушки на мгновение сбилось с ритма, и ей пришлось стиснуть кулаки так, что ногти впились в ладони, — только чтобы не выдать дрожь перед своим главным врагом. Коко незаметно провела ладонью по рукояти резного посоха, ощутив под пальцами шероховатость вырезанного узора, и опустила ожесточённые очи на золотое остриё пера, которое было поднято вверх, как копье. Только после этого она смогла снова дышать ровно, хотя воздух в гроте был густым и тяжёлым, словно пропитанным предчувствием беды.

Обёрнутый в широкие фиолетово-жёлтые одежды Игуин сидел и болтал одной ногой на краю кристалла чуть позади Кендрии. Он не произносил ни слова, но одно внимание рисунка глаза на повязке, скрывающей личность, к особым фигурам на льду застывшего озера обещало не просто насланное проклятие, но и расправу. Второй по силе в клане шаманов не угрожал. Игуин просто позволял тишине разрастаться перед черноволосой хозяйкой пещеры, и эта тишина становилась всё тяжелее, как будто сама реальность прислушивалась к тому, что должно было прозвучать. Его поза была расслабленной, почти небрежной, но в каждом изгибе тела чувствовалась готовность к побегу от фатальности: нога, покачивающаяся над кристаллом, была напряжена в лодыжке, а пальцы едва заметно сжимались и разжимались, будто он репетировал движение для рывка. Когда Игуин заговорил перед речью Кендрии, являющей свою красоту всем, его голос звучал ровно, без эмоций, будто он читал приговор, давно выученный наизусть, и каждое слово падало, как камень в колодец, заставляя эхо разносить его по углам и заставлять кристаллы мерцать тревожным светом.

Один из кристаллов на стене внезапно треснул с резким, звонким звуком, похожим на хруст кости, и по его поверхности побежала тонкая сеть трещин, словно сама магия вздрагивала от этих слов. И Кендрия огласила начало борьбы ордена за распространение их запретных знаний: нападение на столицу для убийства королевской семьи, затем должна была пасть и утонуть в водах Башня Мудрецов, однако Белдрута Кендрия хотела захватить в плен, чтобы выпытать у него знания, запретные как для шаманов, так и для колдунов. Игуин раздал в закрытых свитках сведения о миссиях наисильнейшим шаманам, которым Кендрия доверила пресечь систему защиты рыцарей Стражи Морали, а также собрать всю ману с колдунов и даже обывателей из мирного населения в кувшины — и в этом приказе слышалась не просто жестокость, а холодная, расчётливая необходимость, от которой у Коко по спине пробежал ледяной озноб.

Черноволосая женщина, укутавшись в пушистые чёрно-синие меха накинутого капюшона белой мантии, деловито присела на край кристалла, у которого вертелся Игуин, как шут возле трона королевы, и та закинула ногу на ногу, разрешая задать ей три вопроса от общины шаманов. Все шаманы интересовались у Кендрии о том, как выполнить возложенные задачи, на какую помощь рассчитывать, и только Коко, стукнув о лёд тупым концом посоха так, что по поверхности пробежала мелкая рябь, и придержав шляпу с изумрудами, чтобы та не съехала от резкого движения, спросила вопрос, касающийся маны:

— Зачем?

Голубоглазая женщина ухмыльнулась тонкими бардовыми губами, и в этой улыбке не было ни веселья, ни тепла — только острая, хищная уверенность. Она подозвала к себе Игуина, что-то нашептала ему, небрежно приподняв его причудливую пёструю шляпу, будто проверяя, не спрятано ли там что-то ещё, и одним взмахом руки, облачённой в бархатную чёрную перчатку, выпроводила всех шаманов из грота. Их шаги затихли в узком проходе, и вскоре остался лишь тихий, едва уловимый шорох ткани и отдалённый лязг металла, будто кто-то споткнулся о выступ в темноте. В зале собраний Коко осталась наедине с главой Шляпников.

На личной аудиенции она увидела Кендрию не как главу ордена, а как существо, собранное из противоречий. Та была одновременно величественной и изломанной, словно статуя, которую пытались склеить из осколков, но не смогли подобрать все части. Под гладкой кожей угадывались неровные линии шрамов, будто тело помнило каждую битву, даже если разум ста-

рался их забыть. В движениях проскальзывала странная, механическая точность, будто тело слушалось не целиком, а по частям, подчиняясь разным ритмам. Кендрия заменила свои семь душ сущностями — не призраками, а хищными тенями, каждая из которых шептала ей на ухо свои советы. Иногда её голос менялся на полуслове, становясь то выше, то ниже, а зрачки в небесных очах под густыми ресницами на мгновение расширялись, обнажая бездну, в которой не было ничего человеческого. Она утверждала, что сохранила личность и даже воспоминания той Кендрии, что когда-то трагически погибла при ритуале, но теперь в её словах слышался не один голос, а целый хор, и иногда фразы обрывались на полуслове, будто одна сущность перебывала другую, споря за право говорить. В такие мгновения её пальцы непроизвольно скрючивались, а на висках проступала тонкая синь вен, будто тела не хватало сил удерживать внутри эту бурю голосов, и казалось, что ещё немного — и сама реальность вокруг неё начнёт трескаться, как тот кристалл на стене.

Кендрия воскресила своё тело магией, полностью отдавшись тьме — и сама тьма будто прильнула к ней, обволакивая, как густой дым, что не рассеивается даже под порывами ветра. Платой за это стало умерщвление её сына. Его человеческую душу мать не сумела отнять: дух мальчика оказался сильнее, чем все восемь сущностей, поселившихся в ней, — словно в этом хрупком теле жила искра, которую не могли поглотить ни тени, ни сама бездна.

Кифри не кричал, не умолял. Он просто шёл за руку с матерью в белых одеждах посреди толпища шаманов, взывающих к сущностям в песнопении. В их руках дрожали чётки, бубны, колокольчики и факелы, отбрасывающие неровные, пляшущие тени на стены огромной тёмно-синей пещеры. Десятки шаманов выстроились кругами — один в другом, как кольца змеи, сжимающиеся вокруг жертвы. Здесь свершался масштабный ритуал в Полнолуние, и воздух был густ от запаха горящих трав, смолы и чужого страха.

Черноволосый мальчишка стоял на одном из двух валунов и смотрел вверх, на небольшое и кривое отверстие в потолке, откуда виднелась Луна — невеликая, но ласковая, словно улыбающаяся сквозь трещину в камне. Её белый свет касался его лица, будто обещая, что всё будет хорошо. Именно тогда, когда дух Кифри в детстве был ещё далёк от земного воплощения, он пришёл на зов лишь затем, чтобы сохранить себе жизнь.

Поднявшись на валун напротив сына, Кендрия ощутила вибрации в толще земли — они шли не от шагов и не от песнопений, а из самой глубины, будто гора прислушивалась к её заклинанию. Слова она шептала не сама: их диктовала сущность, нашептывая на ухо холодным, ровным голосом, в котором не было ни жалости, ни гнева — только расчёт. Но мальчик, любующийся небом, не слушал мать и не подчинялся указаниям согласиться на сделку со смертью. Его влекла высь, далёкие звёзды, свежий ветер с поверхности и ночная богиня, что благосклонно отнеслась к нему.

И в ту ночь пещеру за несколько минут начало заливать ливнем с градом. Тучи налетели внезапно, будто их призвали чьи-то отчаянные молитвы, и шквальный ветер швырял капли так, что они били по камням, как стрелы. Кифри вытянул маленькие ладони прямо над отверстием в потолке, и крошечные осколки кристаллов, которые он подобрал в темнице и теперь держал под дождём, начали расти. Они наливались светом, впитывая влагу и лунный отблеск, словно пробуждались от долгого сна. Дождь бил всё сильнее по лицу и рукам Кифри, но он не отворачивался — напротив, будто пил эту бурю, наполняясь силой. Внезапно он разбросал кристаллы вопреки крикам шаманов. Те канули в воду и воссияли лунным светом, и ледяные камни тотчас поглотили многих отрёкшихся от Света магов, скрывая их в прозрачные темницы. Оставшиеся шаманы бросились бежать, спасаясь от потопа и замуровывания в камни, их крики тонули в грохоте воды.

Несмотря на переполох, Кендрия требовала продолжить сорванный ритуал. Её голос перекрывал даже шум воды, такой твёрдый и холодный, что казалось, он мог сковать саму бурю. Но никто из шаманов её не послушал — как и сын, чью волю исполнили небеса. По воле

мальчика, который за время заточения содержался в ужасных условиях, голодал и очень хотел пить, из глубин гор поднялся водный дракон. Он не утопил только единицы из числа шаманов, исполняя волю Кифри, и в этом было что-то древнее, почти священное: дитя, страдавшее от жажды, наконец-то получил воду — чистую, без мути и ила. Кифри сложил ладони лодочкой и с наслаждением испил дождевой воды, будто принял самый драгоценный дар, который он когда-либо получал от неба.

Кифри и не знал, что его радость дождю была вовсе не естественным явлением природы. Вся вода в горах начала течь только вверх, словно по просьбе самой Луны, которая указала потоку, куда нужно сочиться и заполнить эту пещеру до краёв. Его присутствие ощущалось как лёгкое тепло, которое на мгновение растопило иней на камнях, а потом исчезло, оставив после себя только тишину. В тот момент даже пламя ритуальных свечей на миг стало золотистым, а не синим, и этот цвет запомнился всем, кто был в комнате, как знак чего-то важного, что они не смогли удержать.

Теперь, слушая признания Кендрии, Коко чувствовала, как внутри неё что-то сжимается от понимания: учитель Кифри, сын великой королевской колдуньи, был втянут в эту паутину задолго до того, как научился произносить заклинания. Его мать, восхищённая могуществом шаманов, обратилась к ним, ища спасения от ложных обвинений. Она верила, что те, кто идёт вразрез с правилами колдунов, способны подчинять не просто стихии, а самих духов — не через науку, а через полное растворение в силе, через отказ от себя.

Благодаря Кендрии в культе Шляпников сохранились приёмы, унаследованные от колдунов, но шаманы, одержимые идеей величия, извратили эти знания, очернив память о тех, кто когда-то жил с магами в мире. Они превратили тонкую науку в грубую силу, а уважение к духам — в поклонение собственной власти. Один из старых свитков, случайно найденный Коко в заброшенном хранилище, хранил выцветшие заметки о том, как раньше шаманы приносили дары духам, а не приказывали им. Теперь эти строки казались ей особенно горькими, словно пепел давно угасшего костра.

Кендрия опутывала Коко лестью, словно лианами, одновременно запугивая. Её голос становился бархатным, почти материнским, будто она хотела убаюкать, усыпить бдительность, а потом в нём проскальзывали острые, как осколки стекла, нотки угрозы. Она говорила, что Коко обязана ей помогать, и ей всё равно, что девушка собирается делать с гримуаром и сведениями о Кифри — его всё равно не вернуть.

— Ты думаешь, что спасаешь его, мир и магию, но зря тешишь своё эго, — шептала Кендрия, наклоняясь ближе к зеленоглазой девушке. От её дыхания тускнел даже посох с золотым остриём в руках Коко, покрываясь инеем, будто холод слов главы ордена Шляпников проникал даже в орудие заклятий. — Когда Кифри превратился в проклятое дерево, я заточила его дух в клеть внутри собственного тела, подселив его, как генератор энергии, продлевающий работу давно изношенного и болезненного настоящего тела. Восемь лет я взращивала его, пытаясь подчинить и пробудить. Чтобы потом из-за спины приставила клинок к моему горлу какая-то наглая бывшая колдунья, задумав всё вернуть назад? Не получится, дорогая. Я проделала то же самое когда-то. И ты видишь, кем я являюсь сейчас. Та, о ком будут слагать легенды о подчинении мира чёрной магией — Я. Не ты.

Очарованная мыслью о собственном величии, Кендрия готовила орден Шляпников к восстанию: к тому моменту, когда дух Кифри, великого колдуна, наконец очнётся. Она видела себя не просто главой ордена, а новой богиней этого мира, той, кто перекроит реальность по своему желанию. И в этом будущем не было места ни для сострадания, ни для старых союзов — только для власти, выкованной из боли и страха.

И Кендрия, прощаясь с Коко, бросила слова, тяжёлые, как свинцовые пули, которые разнеслись эхом в пещере. Её голос звучал как приговор.

— Если ты избавишься от Агаты, устранишь эту назойливую проблему, эту командиршу, что вечно мешает твоим планам, я доверю тебе особое место рядом с собой и Игуином. Ты получишь сильную сущность и преимущества, а я щедро передам свои знания о чёрной магии. Такие, каких не сыскать в пыльных томах Башни Мудрецов.

Каждое слово Кендрии падало, будто острый осколок, вонзаясь в сознание Коко. В воздухе повисла густая, почти осязаемая угроза, приправленная едким ароматом власти и безразличия к чужой боли. Кендрия даже не сочла нужным скрыть хищную усмешку — она позволила ей скользнуть по губам, как лезвию по бархату.

Коко была вынуждена кивнуть, хотя внутри всё кричало от ярости и бессилия. Кендрия не оставила ей ни лазейки, ни шанса на отказ. Тонкими, но стальными нитями она обрисовала последствия неповиновения.

— Иначе я сама приду за тобой. Успокою твой рьяный нрав. А заодно доберусь до всех твоих близких, до тех, кто прячется в ателье, не оставлю и занозы от древа Кифри, до каждого, кто хоть раз связывался с тобой. У меня тысячи приспешников и последователей, а ты, дорогая моя — одна.

Эти слова ударили сильнее любого заклинания. В них не было ни капли сомнения — только холодная уверенность в собственной силе. И Коко поняла: спорить бесполезно. Она должна была подчиниться, чтобы Кендрия отдала приказ сохранить жизни её друзей, пусть даже ценой их магических способностей — пусть их запечатают и лишат силы. Это была сделка, однако, пока Кендрия смотрела на Коко свысока, в глазах шаманки с чёрной шляпой и изумрудной шторкой мелькнуло нечто, что осталось незамеченным для главы ордена Шляпников. В этом зелёном взгляде не было ни страха, ни покорности — лишь расчётливая месть, в которой зрел собственный замысел Коко.

Она осознала, что на неё давят не только силой, но и временем: срок был ограничен, и каждый миг тянулся, как раскалённая проволока, обжигая нервы. Но именно это давление Коко решила обернуть против самой Кендрии. Её план был прост и коварен: проявить абсолютное равнодушие к манипуляциям, сделать вид, что угрозы и посулы имеют силу. Но Коко понимала, что этот приказ был слишком энергозатратным, Агата не сдастся так просто, а Риче и Тетию защитит Олруджио — и на деле то повиновение приказом Кендрии было ложью, за которой пряталась ледяная сосредоточенность и шанс встретиться с главой ещё раз.

Когда Кендрия наконец отвернулась, сочтя Коко сломленной, та едва заметно приподняла уголок губ — не в улыбке, а в тихом обещании самой себе вернуться и разобраться с этой женщиной. Её пальцы чуть дрогнули, сжимая посох, которым она хотела её пронзить, и в этом движении не было слабости — только готовность действовать. В голове Коко уже складывался узор из шагов и уловок, в которых она растворится, чтобы нанести удар тогда, когда Кендрия будет ждать от неё послушания.

Когда шаманка стояла неподвижно, позволяя тьме чужих ожиданий окутать себя, словно плотным плащом, она смотрела вслед уходящей Кендрии, и в её глазах отражалась холодная решимость: она сыграет эту партию, примет чужие правила игры — но выиграет её по своим.

Коко скользнула в родное ателье, будто тень, отделившаяся от сумрака вечерних улиц. Воздух здесь пах воском, старыми тканями и пряной горечью чернил — запах, знакомый с детства, сейчас казался почти предательски уютным на фоне того, что ей предстояло сделать. Риче, Тетя и Олруджио сидели за низким столом; над тарелками ещё вился лёгкий пар, а на краю доски темнел ломтик чёрного хлеба. В этот миг время будто загнулось, и на долю секунды Коко позволила себе поверить, что всё ещё можно оставить как есть.

Но стоило ей выйти из тени прихожей и подойти к столу, как тишина треснула, словно тонкий лёд. Девушки вздрогнули и обернулись; их глаза расширились от внезапного ужаса — и в следующий миг они уже стояли, сбив чашки и опрокинув солонку, рефлекторно сжимая в пальцах перьевые ручки с волшебными чернилами. Их движения были резкими, дёрганymi,

но магия не вспыхнула: Риче и Тетия не спешили обрушить атакующее заклинание на давнюю подругу. В этой заминке читалась мучительная борьба между долгом и привязанностью.

Олруджио, напротив, не колебался ни мгновения. Озлобленный хмелем, с лицом, искажённым тяжёлой, глухой яростью, он рванулся к Коко. Тяжёлые сапоги глухо ударили по половицам, а рука с огненным шаром метнулась вперёд. И именно на нём Коко первой испытала печать стирания памяти Хельги. Воздух над его ладонью на миг сгустился и раскалился, а затем заряд рассыпался на искры.

Риче, с её толстой, туго заплетённой косой, метнулась вперёд, пытаясь удержать обезумевшего Олруджио. Она схватила черноволосого мужчину за локоть; пальцы её побелели от напряжения, но он, ослеплённый вспышкой заклинания, навалился на неё всей тяжестью. Риче пошатнулась и опрокинула стул. В тот же миг Коко шагнула к ней — её движение было пугающе плавным, почти невесомым, будто она не шла, а текла сквозь воздух. Артефакт старой шаманки коснулся лба Риче. На лбу девушки с небесными волосами остался знак — круг с точкой в центре. Он мерцал тусклым, пепельным светом, будто впитывал в себя все воспоминания девушки, вытягивая их, как воду из пересохшего колодца.

Лишь Тетия, стоявшая у стола и теребившая свои два хвоста, не пыталась ни защититься, ни вмешаться. В её розовых глазах застыл не столько страх, сколько непонимание. Она хотела воспротивиться, хотела выкрикнуть хоть слово, но голос застрял в горле, и из груди вырвался лишь тихий, сдавленный шёпот.

— Коко, зачем всё это?

Шаманка, скрытая за вуалью и широкими полями шляпы с изумрудными нитями, наклонилась к Тетии. Её тень накрыла лицо подруги, словно обещая укрыть от всего ужаса происходящего. Коко прошептала так тихо, что слова едва пробились сквозь звенящую тишину комнаты.

— Ради вашего блага.

Тетия прикрыла глаза; её розовые ресницы дрогнули, но она не стала сопротивляться ни заклинанию, ни вспышке наложенной печати. В этом покорном жесте было столько боли и доверия, что на мгновение сердце Коко сжалось. Но она заставила себя не останавливаться и стремительно покинула ателье.

Позже шаманка вновь проникла в Башню Мудрецов — на этот раз тайком. Двери распахнулись с грохотом, петли застонали, словно старые кости. В архивах Коко столкнулась с Агатой, совершавшей свой размеренный, почти ритуальный обход. Пламя фиолетовых светильников дрожало, отбрасывая на каменные стены длинные, изломанные тени, и в этом неровном свете лицо Стражницы Морали казалось высеченным из холодного камня.

Агата не стала медлить с обвинениями.

— С величайшим удовольствием хочу забыть твоё имя и всё, что хоть как-то связывало меня с изменщицей и Изумрудной Шляпницей, — произнесла она, и в этих словах слышалась не просто неприязнь, а глубокая, выжженная годами горечь. — Теперь все займут правильные места, а для Кифри я стану лучшей ученицей по праву.

Коко слушала эти унижения, и каждое слово падало на её плечи тяжёлыми каплями свинца. Но когда Агата, шагнув к золотому наконечнику посоха, замолчала, словно подталкивая шаманку применить заклинание, Коко резко перебила её.

— Да будет так!

Горы встретили одинокую шаманку ледяным, пронзительным ветром — он рвался сквозь расщелины, выл и свистел, будто пытался перекричать саму вечность, сплетая из звуков дику, необузданную песню: то жалобную, словно плач покинутого ребёнка, то яростную, как рёв разбуженного зверя, спорящего с безмолвным, глухим небом.

Снег под ногами не просто скрипел — он стонал, как старые, измученные кости, хранящие память о тысяче зимних бурь. А небо нависло над землёй тяжёлой, свинцовой пеленой,

плотной, будто войлок, пропитанный дождями отчаяния, — она не пропускала ни единого луча света, ни искорки надежды, глуша даже намёк на рассвет.

Коко опустилась на колени у серебряного дерева, прижалась лбом к его холодному, словно отлитому из лунного льда, стволу и закрыла глаза. Холод проникал под кожу, сковывал мышцы, сжимал дыхание, но не мог коснуться её души — там, в самой глубине, тлел маленький упрямый огонёк, крохотный, но неукротимый, как пламя свечи в ураган. Даже этот безжалостный ледяной ветер не мог его задуть: он лишь заставлял пламя дрожать, но не гаснуть, будто сама воля Коко подпитывала его, не давая угаснуть ни на миг.

Из потайного кармана мантии шаманка бережно достала резную флейту — ту самую, что вырезала в пустыне из тонких, выбеленных костей. Пальцы скользнули по замысловатым узорам, каждая линия которых хранила отголосок бессонных ночей в шатре Хельги, когда тишина давила на виски, а безвременье расплзалось по сознанию, как густая, вязкая тьма, стирая сцепку с реальностью, в которой ей было опасно находиться из-за гонений Шляпников и охоты Стражи Морали.

Поднеся флейту к губам, Коко прикрыла зелёные глаза, в которых ещё теплились отголоски весны, будто сама память о тепле отказывалась умирать. И над заснеженной вершиной полилась тихая, щемящая мелодия — простая, но глубокая, как первый вздох новорождённого мира, как признание, которое столько лет держали взаперти, в самой глубине груди, боясь выпустить наружу.

Девушка пела проклятому дереву величавую песнь, вкладывая в каждую ноту всю свою тоску, все невысказанные слова, копившиеся годами, словно снег, что скапливается в узких ущельях, слой за слоем, пока не превращается в тяжёлую, давящую массу. Коко представляла, что сидит у ног учителя, что он слышит её, улыбается своей чуть ироничной, тёплой улыбкой и нелепо танцует посреди гостиной ателье, раскинув руки, будто хотел обнять весь мир. Ей хотелось хоть на мгновение успокоить все тревоги, что могли гнездиться в душе Кифри, прошептать ему, что всё будет хорошо — даже если сама она цеплялась за эту веру, как за тонкую нить над бездной, и не была до конца в неё уверена.

Лицо Коко оставалось спокойным, почти застывшим, словно вырезанным из холодного камня, — эта маска безмятежности прятала внутри настоящую бурю: вихрь вины, боли, сомнений и отчаянной, упрямой любви. Но вот она подняла голову, и в тот же миг одна из гибких серебристых ветвей, будто пробудившись от векового сна, потянулась к ней и коснулась щеки лёгким, почти невесомым прикосновением — так, как касается крыло ночной бабочки, боясь оставить след. Это было благословение. Знак.

— Простите, учитель, но я потревожу вас и причину боль — надеюсь, в последний раз, — прошептала Коко, и голос её дрогнул, едва заметно, как дрожит поверхность воды от первого прикосновения капли. Девушка приподнялась на носочки, и ветвь дерева, которую она держала, хрустнула в её пальцах.

Коко опустилась на колени посреди зала ледяной пещеры — не в покорности, а словно воин, замирающий перед решающим рывком: спина прямая, плечи чуть приподняты, пальцы впиваются в острые грани льда. Вокруг, в полуколыце застывших шаманов, мерцали маски — тонкие пластины из полупрозрачной вуали, в которых плясали отблески рунических кодов. В их внимании читалось предвкушение зрелища — холодное и жадное, как у хищников, чующих кровь.

Перед Коко, на кристальном троне, восседала черноволосая женщина с лазурными глазами. Кендрия в белоснежной мантии с мехом занимала место главы ордена Шляпников безупречно: ни единой морщинки, ни намёка на дыхание — словно она не живая, а ледяная статуя.

В руках Коко держала иллюзию окровавленных доспехов Стражи Морали — они мерцали, будто ещё хранили жар битвы. Доспехи пахли железом и дымом; запах был настолько реальным, что стоявшие ближе шаманы невольно отворачивались от неприятного сладкова-

того душка. Коко поднесла их как доказательство смерти Агаты — медленно, нарочито чётко, чтобы все успели разглядеть каждую каплю, каждый скол на металле. Но в глазах Кендрии не мелькнуло ни капли веры — лишь лёгкая, почти неуловимая складка у переносицы выдавала скуку.

— Это всё? — с подозрением прозвучал её голос, острый, как лезвие. — Ты хочешь, чтобы я поверила в смерть Агаты по одной лишь тени крови? Дай свидетеля. Пусть кто-нибудь подтвердит, что эти доспехи — её.

Из толпы, словно нарочно вынырнув из полумрака, выступила Хельга в молодом облике. Она не пряталась за маской: её смуглое дерзкое лицо обрамляли шоколадные волнообразные локоны, влажные от сырости пещеры и потому отливающие тёмно-каштановым гляncем. На алых губах играла обольстительная, почти насмешливая улыбка — будто шаманка знала какой-то секрет, который вот-вот раскроет. Чёрная мантия струилась вокруг неё, как дым, а красные перчатки и серые чулки с колокольчиками на изящных ногах подчёркивали женственность редкой гостьи собрания. Карий взгляд Хельги был прямым, вызывающим: она смотрела не на Кендрию, а сквозь неё, будто видела не ледяной лик, а то, что пряталось под ним.

Кендрия невольно задержала на ней взгляд — не как на союзнице, а как на сопернице: в её глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на раздражение. В зале повисла тишина — густая, звенящая, такая плотная, что, казалось, её можно было резать ножом. Хельга, уловив эту слабость, не стала тратить слова впустую. Вместо этого она бросила в лицо главе ордена дерзкий вызов: потребовала, чтобы та явила всем свой истинный облик, став свидетельницей собственной естественной красоты. Ведь, по словам Хельги, истинная сила главы ордена не прячется за иллюзиями, а стоит лицом к лицу с теми, кто осмелился бросить ей вызов.

Самовлюблённая Кендрия приняла вызов Хельги без колебаний. Брюнетка поднялась с трона, несмотря на брошенные сомнения Игуина, — а ведь ему только в радость было не препятствовать ходу истории.

Движение Кендрии было плавным, почти ленивым, но в нём чувствовалась властность, способная раздавить любого, кто усомнится в её могуществе. Женщина сняла чары. Иллюзия растаяла: сначала по краям белых ногтей пошли тонкие трещины, потом образ поплыл, как отражение в воде, и наконец исчез, обнажив её настоящее тело — серую кожу, испещрённую чёрными венами, похожими на корни мёртвого дерева, и глаза, в которых вместо синего сияния теперь клубилась тьма, густая и маслянистая, будто в них плескался сам мрак. Но даже в этом облике Кендрия, по-прежнему в белоснежной мантии с синим мехом, сохраняла хищную грацию: каждое движение, даже самое резкое, было отточенным, будто уродство лишь подчёркивало её многолетнюю власть, делая её ещё более влиятельной — даже над самой смертью.

Пока Кендрия демонстрировала своё тщеславие, Хельга неспешно ходила вокруг неё, очерчивая посохом круг. Дерево посоха глухо постукивало по льду, и с каждым ударом пространство внутри круга дрожало. Вспыхнул полупрозрачный алый купол, отрезавший Коко и Кендрию от остальных шаманов и заглушавший даже шёпот.

Снаружи, за границей купола, Хельга уже не была дипломатом. В игривой манере она взметнула посох, и по залу прокатилась волна чистой ярости засидевшейся от скуки шаманки, вернувшей себе молодой образ шатенки. Шляпники рванулись к ней, но она встретила их не словами, а ударом: посох ударил о пол, и лёд под ногами врагов треснул, разверзшись глубокими щелями, из которых потянуло могильным холодом озера. Обратившись к исконным шаманам, Хельга бросила в толпу искру древнего бунта — напомнила им, кто такие шаманы и ради чего им дана проводимость сил: когда магия была не инструментом войны, а голосом земли. Истинные мастера отвернулись от бывших колдунов, которые ради личной выгоды начали использовать магию тьмы. В зале вспыхнула революция: кто-то срывал маски, кто-то поднимал посохи, а кто-то просто стоял, глядя, как рушится старый порядок.

Тем временем внутри алого купола время сжалось до одного мгновения — оно стало вязким, тягучим, как смола, и каждое движение давалось с усилием. Коко сбросила с себя остатки сомнений: перед ней стояла не просто враг, а могущественная бывшая колдунья королевства, мать Кифри, та, что предала все нравственные смыслы и растоптала всё, во что он верил с детства. Эта мысль стала для Коко искрой, от которой вспыхнула жажда бороться до конца.

Кендрия первой напала на низкую шаманку. Тело черноволосой женщины исказилось, растворяясь в вихре семи сущностей, каждая из которых имела свою форму и голос: одна шипела, как змея, другая рычала, третья выла. Из этой тьмы вырвались когти, клыки, ледяные крылья, фиолетовое пламя, которое не грело, а жгло, оставляя на коже чёрные следы. Коко не пыталась уклониться от всего сразу — она принимала удары, отвечая стихиями. Она использовала огненные техники, подобные огненному дыханию Олруджио: из её ладоней вырывались под напором ветра струи пламени. Затем она сковывала тело Кендрии льдом, как учил Кифри, — глыбы льда оплетали её конечности, замедляя движения, заставляя каждую мышцу бороться с ледяным капканом. В конце концов Коко обрушивала на Шляпницу град скал, срывая их с потолка пещеры одним движением руки: камни падали с глухим стуком. Лёд подземного озера пошёл трещинами; в ограниченном пространстве боя рокотдвигающихся льдин сливался с грохотом взрывов от битвы Хельги с колдунами — этот звук был похож на сердцебиение огромного зверя, который вот-вот проснётся.

Однако один из ударов упрямой Кендрии отбросил Коко назад. Шаманка упала на колено; лёд впился в окровавленную кожу, но она тут же рванулась вперёд, не давая себе времени на боль: зубы сжались, зелёные глаза сузились, и в этот момент Коко стала не просто шаманкой — она стала карающим копьём. Кендрия, потеряв равновесие, рухнула на лёд — её тело ударилось о поверхность с глухим звуком, похожим на треск старого дерева. В этот миг Коко метнулась к ней. В прыжке она занесла золотое оружие заклинания и вонзила наконечник посоха в живот Кендрии — но это было лишь начало. Металл вошёл глубоко, и из раны вырвалась не кровь, а чёрный, зловонный, многоликий дым с образами сущностей, которые тут же растворились в пустоте.

Бережно достав из кармана чёрной мантии серебряную ветку, сорванную с проклятого древа Кифри, Коко не колеблясь вонзила её прямо в лазурный глаз Кендрии. Ветка блестела, словно застывшая молния, и от неё веяло древним холодом. Шаманка приковала противницу ко льду посохом, пока та билась в агонии: посох вонзился в лёд с глухим треском, и от него во все стороны побежали трещины по поверхности озера. Заклинание обмена ядра проклятия и дара вспыхнуло внутри Кендрии, которая пыталась закрыть глаз серыми костлявыми руками, чтобы не дать вырваться дару и сильному духу Кифри. Но это было бесполезно: свет, вырвавшийся изнутри, оказался слишком ярким, слишком сильным. Обличье Кендрии рябило, сменяя семь ликов семи сущностей, но каждый из них слабел под натиском света зачарованного копья с подготовленным руническим кодом для изгнания духов. Хельга давно разгадала секрет кражи душ Кендрии и передала Коко заклинание, способное обратить эту силу против самой её создательницы, вытягивая из неё всё, что делало её могущественной.

Успев забрать серебряную ветвь древа, Коко вместе с противницей провалилась прямо в воды подземного озера, где и завершился ритуал. Лазурная вода сомкнулась над ними, поглощая звуки и свет, и в этой тишине Кендрия рассыпалась в пепел — тонкий, холодный, похожий на иней, который тут же растворился в воде, будто его никогда и не было.

Но в тот же миг фиолетовая молния рванулась к посоху, пронзив Коко ударом тока. Разряд прошёл по её телу, заставляя выгнуться; мышцы девушки сжались. По её рукам пробежали светящиеся сиреневые линии, сплетаясь в узор чешуи. Это был отголосок одной из сущностей Кендрии, которая не хотела исчезать, цепляясь за жизнь любой ценой. Коко пошатнулась; мир перед глазами потемнел, превращаясь в размытые пятна, и она начала погружаться на дно вслед за останками врага...

Хельга развеяла алый купол одним резким движением звенящего посоха с гвоздями. Не теряя ни секунды, она схватила Коко за руку с проклятыми метками и потянула вверх, вытаскивая ученицу из воды. Когда девушка оказалась на поверхности, её грудь судорожно вздымалась, пытаясь поймать хоть немного воздуха после нехватки кислорода. В полубессознательном состоянии Коко всё ещё крепко прижимала к груди веточку серебряного дерева — её обмороженные пальцы сжимали ветку так сильно, что ногти побелели.

Через несколько мгновений они с Хельгой оказались в шатре благодаря телепорту. Ткань шатра была пропитана дымом от подождённых старухой дров сандалового дерева и целебных трав. Старуха бережно уложила девушку с травянистыми волосами на грудь подушек и одеял, которые казались мягкими и согревающими после ледяного, жестокого столкновения в пещере.

Коко, едва дыша, прошептала со слабой, чуть скалящейся улыбкой — будто даже в этом состоянии пыталась показать, что готова бороться и дальше.

— Я убила её? Я же убила Кендрию?

Хельга разожгла огонь, высекая искры камнем о камень, — пламя вспыхнуло с треском, отбрасывая на стены танцующие тени. Она тяжело вздохнула, предчувствуя проблемы с подсевшей сущностью: в её карем взгляде мелькнула тревога — она знала, что впереди ещё много битв. Но ради спокойствия Коко она подтвердила:

— Расправились — мы расправились. Только нажили себе ещё больше врагов: в лице Стражи Морали, колдунов и большей части самого ордена Шляпников. Но я посеяла семена раздора в этом улье. Думаю, пока мы будем прятаться, они отравят друг друга своим ядом и без нашего вмешательства.

Коко, обнажённая, укутанная лишь собственными мокрыми волосами, которые липли к коже и блестели в свете огня, не особо слушала Хельгу. Её взгляд был прикован к одухотворённой веточке серебряного дерева, которую она продолжала осторожно держать в ладонях, едва очистив их от проклятой чёрной крови Кендрии. С тихой, спокойной радостью, почти незаметной на многострадальном лице, Коко улыбнулась — и в этой улыбке не было торжества победы, лишь облегчение от того, что она смогла сделать то, что должна была. Заклинание возвратного ритуала сработало: на время ей удалось поселить высший дух и дар Кифри в эту ветвь. И пусть враг казался заносчиво страшным и непобедимым, Коко сумела сохранить тонкую связь с тем, кто был ей дороже всего, — и этого было достаточно, чтобы двигаться дальше...

Высокие мраморные стены тронного зала, украшенные гобеленами с выцветшими сценами древних битв, хранили эхо шагов и шёпот веков — каждый звук здесь будто оседал в камне, становясь частью его памяти. В воздухе витал густой, тяжёлый запах воска от сотен оплывших свечей и едва уловимый металлический привкус — словно сама власть здесь была выкована из стали и оплавлена в страхе.

В этом зале, где тишина казалась плотнее стен, Коко предстала перед королём и Белдрутом. Высший маг видел принятое решение шаманки — та стояла в свободно парящих на ветру чёрных одеяниях, а изумруды на её шляпе покачивались и переливались, как вода на солнце: то вспыхивали изумрудными искрами, то стекали по воздуху тонкими нитями, похожими на лунный шёлк.

Перед тем как в единый миг изменить память власти, Коко бросила взгляд из-за вуали на Белдрута, который настороженно вышел вперёд, будто защищая короля.

— Уверена, что можешь выбирать, что людям помнить о тебе, а что нет? — переспросил он бывшую колдуню.

Девушка опустила голову, но было ясно: отступать она не намерена. Ей хотелось стереть этот стыд — чтобы даже Белдрут не мог вспомнить о возможной повторной ошибке предательницы, очерняющей честь лучшего ученика и саму память о Кифри.

Коко аккуратно подошла к Высшему магу. Тот, прежде чем склониться, заставил всех — стражников и самого короля — последовать его совету и прикоснуться к печати. И вот он сам покорно наклонился к невысокой шаманке и прикрыл седые редкие ресницы.

Зеленоглазая девушка сдула пыль с драгоценной вещи Хельги — печати, стирающей всё, что было описано на красной бумаге. Та бумага давно была растерта в порошок и смешана с проклятыми чернилами, а теперь эти чернила легли на выступы деревянной фигуры — на символ круга с точкой в центре.

Прикоснувшись печатью ко лбу каждого, Коко для всех присутствующих, кроме Белдрута, стала чужой — шаманкой, пришедшей в зал не с предложением, а с очередным вызовом короне. И, наконец, оставив след печати на хмуром лбу Белдрута, Коко услышала его шёпот — он верил: кем бы она для него ни стала, он поможет любому, кто борется за истинное предназначение магии в руках человека.

Сжав губы, девушка с травянистыми волосами поникла, спрятав слёзы за широкими полями шляпы, и исчезла в вихре чёрного дыма, вырвавшегося из золотых рукавов мантии, пропитанной ароматом полыни и дождя. Это было опрометчиво и легкомысленно, но зато она не причинила никому вреда, сохранив их достоинство и свою совесть.

Телепортируясь на гору, Коко вынырнула из вихря пространства прямо над вершиной — и тут же соскользнула с летящего посоха, будто с крыла бури. Она бежала со всех ног, не разбирая дороги, проваливаясь по колено в сугробы, но не замедляясь ни на миг. Снег хватал шаманку за ноги, цеплялся за края подола, словно хотел удержать, заставить остаться в этой ледяной тишине, где нет ни боли, ни вины, ни надежды. Но Коко не собиралась сдаваться.

Она сорвала с головы шляпу — и изумруды на полях издали резкий лязг, будто обиделись, что их лишили высоты, возмутились этим внезапным, почти отчаянным жестом. На босых ногах звенели колокольчики — тонкий, пронзительный звон, который терялся в вое ветра, но всё же звучал, как упрямое напоминание: она здесь, она идёт вперёд.

В какой-то момент Коко рухнула лицом в снег — не от слабости, а потому что склон стал слишком крутым. Девушка сжала холодный снег в кулаках, будто хотела выжать из него хоть каплю тепла, хоть намёк на жизнь, и тут же, не давая себе ни секунды передышки, поднялась на ноги. Горячее дыхание вырывалось паром в морозный воздух, оседая крошечными кристаллами на ресницах, превращая мир в хрупкую, звенящую сказку — ту самую, где герои либо ломаются, либо становятся легендами.

Каждое движение давалось тяжело, будто тело помнило каждую пройденную милю, каждое падение и каждый подъём, и теперь возвращало эти воспоминания болью, сковывая мышцы свинцовой усталостью. Но Коко лишь приподняла подол платья вместе с тяжёлой, промокшей мантией и юбкой — ткань тянула вниз, как якорь, — и ускорила шаг, пробиваясь сквозь сугробы к проклятому серебряному дереву, будто сама земля пыталась её задержать. Но она не слушала.

С разбегу шаманка взлетела по узловатым корням дерева, цепляясь пальцами за выступы, будто это были ступени лестницы, ведущей к спасению. Она знала, помнила, где находится лик Кифри — в той самой надломленной ветви, в сплетении линий, похожих на вены, хранящие чужую жизнь. И зеленоглазая девушка вонзила ветвь в нужное место с силой так, будто от этого удара зависело всё: прошлое, настоящее и то будущее, которого она так боялась не увидеть.

Ветвь вспыхнула — не огнём, а светом, холодным и чистым, как лёд на рассвете. Он растёкся голубым сиянием по всему дереву, пробираясь меж линий коры, заставляя его ожить, задышать, загудеть изнутри, словно в нём пробуждалось древнее сердце. Ветви осыпались серебряной листвой, кружась в воздухе, как слёзы, падающие с небес, а корни, державшие скалу, начали терять хватку, становясь сухими и ломкими, будто время наконец догнало и их.

И тогда в зелёных стеклянных глазах Коко вернулся тот самый блеск — блеск ребёнка, у которого получилось. Не по воле случая, не по милости судьбы, а потому что она не сдалась. У неё получилось спасти Кифри.

Древо загудело, дрожа изнутри, и с треском раскололось в стволе пополам, обнажая сплетённый меж чёрной смолы образ учителя. Он совсем не изменился за эти восемь лет — будто время обошло его стороной, оставив в этом странном, застывшем мгновении. Всё та же седая копна волос, истрёпанные светлые одеяния в коричневых пятнах от давно запёкшейся крови, чёрная водолазка, под которой тело заживило раны, а кости сломанной руки срослись в нужном положении — всё это было делом силы ветви, её дара, её упрямой веры в то, что можно исправить даже невозможное.

Кифри мог бы рухнуть вместе с остатками дерева с обрыва, унесённый лавиной обломков, но Коко сделала рывок — молниеносный, точный, как удар клинка. Золотым наконечником копья она рассекла густые смоляные сети и фрагменты коры, словно резала саму судьбу на куски, чтобы освободить то, что было ей дороже всего. В следующий миг она обхватила Кифри за талию и плечи, зависнув в воздухе над рушащейся скалой, и обломки, осыпаясь вниз, летели к подножию горы. Наконец, вернувшись на целый фрагмент поверхности скал, шаманка осторожно опустила молодого человека на снятую мантию, расстеленную на снегу. Она укутала его, словно младенца в колыбели, — не просто от холода, а от всего мира, который столько лет был к нему жесток. Снег падал, кружился, оседал на его волосах, на её руках, на их общей тишине. Коко омывала лицо Кифри и плечи чистыми, нежными ладонями, стирая пыль и чёрную смолу, будто пыталась стереть и те годы, что пролегли между ними, вернуть его туда, где он был просто её учителем, а она — его ученицей, и где не было ни проклятий, ни жертв.

Вокруг царила странная, болезненная красота: будто сама природа, устав от собственной жестокости, наконец рассеяла снеговые тучи и убаюкала вьюгу. Коко упала рядом с Кифри на колени, не чувствуя холода, не замечая, как снег пробирается под подол, как стынет кожа, как ветер пытается проникнуть под каждую складку ткани и украсть у неё остатки тепла. Она протянула дрожащую руку и коснулась щеки молодого человека — тёплой, живой, настоящей.

— Проснитесь, Кифри. Откройте же глаза поскорее, Кифри, — прошептала Коко, и каждое слово она будто выдыхала с такой силой, что оно могло бы пробиться сквозь лёд, сквозь время, сквозь саму смерть. Её губы готовы были повторять его имя снова и снова — бесконечно, пока отвязанная от тела душа не услышит и не вернётся домой.

Пальцы Коко нежно, почти благоговейно касались лица молодого человека — и вдруг она заметила: шрам на правом глазу исчез. Тот самый шрам, что когда-то заставлял её, ещё маленькую девочку, прятать взгляд, а потом, повзрослев, сжиматься от смеси страха и острой, щемящей жалости. Теперь же кожа была гладкой, словно годы стёрли не только рубец, но и все следы боли. И всё-таки, пока грудь Кифри мерно вздымалась, а с губ срывался пар от глубоких, морозных вздохов, Коко не могла успокоиться. Девушка положила ладонь ему на грудь — не просто чтобы почувствовать тепло, а чтобы услышать, удостовериться: да, сердце бьётся, это не иллюзия, не пустая оболочка, не обман уставших глаз.

Сидя на коленях, склонившись над ним, Коко прислушивалась к этому ритму — и вдруг поняла, что её собственное сердце стучит в унисон с его, будто два барабана, звучащих в одном древнем обряде. Шаманка сжала ткань его рваной бежевой мантии так, что пальцы побелели, а в глазах собрались слёзы — они катились по щекам, не спрашивая разрешения, не сдерживаясь. Она растянула губы в дрожащей улыбке, которую не могла контролировать, и тихо, чуть истерично посмеивалась от счастья — так, как смеются, когда долго боялись поверить в чудо, а оно вдруг случилось. Этот смех смешивался с тихим шорохом снега, который падал им на головы, быстро заноса всё вокруг белыми крупницами, будто сама зима хотела укутать их и спрятать от остального мира.

Не раздумывая, Коко взвалила на себя всё ещё высокого и крепко сложенного Кифри — и в этот миг особенно остро почувствовала, какой она осталась хрупкой и невысокой по сравнению с ним, будто годы не прибавили ей роста, а только тяжести в душе.

Кифри разлеплял небесно-голубые глаза с острой болью во всём теле и кружащейся головой. Конечности не слушались: когда он попытался поднять руку, она дрогнула и поднялась лишь на несколько сантиметров, оторвавшись от пола, словно была отлита из свинца. За этими жалкими, но упрямыми попытками наблюдала в шатре Хельга у костра — она сидела, скрестив ноги, и фыркала с недовольством, будто каждый новый человек, нарушивший её покой в этом иллюзорном пространстве пустыни, был личным оскорблением.

Но знакомый девичий голос, звенящий сквозь туман боли и забытья, заставил Кифри встрепенуться. Он сбросил одеяло и приподнялся на локтях, упираясь в грубый ковёр, а его взгляд стал недоумённым, широко раскрытым, будто он пытался найти то, что видел в полусне.

— Вы кто такая?

— И вам доброе утро, Кифрий, — тихо, но с саркастичной нотой ответила Хельга, переворачивая угли и не делая продолжать диалог с колдуном.

Пламя костра плясало на его осунувшемся лице, отбрасывая резкие тени, которые делали черты резче, чуть старше, будто годы, проведённые в заточении внутри ствола и корней проклятого древа, оставили на коже невидимые, но глубокие царапины. Кифри узнал в Хельге ту самую шаманку, что когда-то напала на него и пробудила семя древней силы — и рука его невольно метнулась к груди из упрямого, почти отчаянного желания нащупать давно потерянный гримуар. Но едва эта мысль вспыхнула в сознании, как голубоглазого парня пронзила резкая боль — от движения, от воспоминаний, от самого факта, что он всё ещё живёт. И тут же следом пришла другая мысль, ещё более острая и тревожная — Где сейчас Коко?

Словно тень, обретшая плоть, в убежище скользнула девушка в чёрном одеянии — золотистая подкладка мантии на миг вспыхнула в полумраке, будто отголосок солнца в царстве сумрака. Она резко задёрнула плотные шторы, стиснув ткань так, что пальцы побелели, и застыла, уловив краем глаза, как вздрогнул Кифри: ещё один шаман переступил порог шатра, и звон колокольчиков на босых ногах прозвучал в тишине, как сигнал тревоги.

В лазурных глазах учителя читалась не просто настороженность — в них была собранность бойца, готового встретить опасность даже тогда, когда тело едва держит его на ногах. Эта пронзительная ясность, эта упрямая готовность к схватке перехватили дыхание Коко. Она боялась обернуться, прячась за вуалью с рунами, за шляпой с изумрудными нитями — словно эти детали могли укрыть не только черты лица, но и всю бурю, клекотавшую внутри.

— Чего застряла? Шевелись! Отвар сам себя не сварит! — сухо и нетерпеливо бросила Хельга, возвращая Коко к реальности хлестким словом.

Девушка вздрогнула и направилась к костру. Опустившись на колени на ковёр, она действовала почти машинально: разложила на полотенце травы, собранные в лесу, куда добиралась через разбросанные по пустыне порталы — будто шагала по забытым ступеням между мирами. Достав толкушки, Коко принялась измельчать растения, чтобы бросить их в чан, где вода уже кипела, выплёскивая янтарные капли. К ним добавлялись облепиховые ягоды и ломтики цитрусов — их острый, кисловатый аромат пробивался сквозь густой запах дыма и старой ткани, словно пытался разогнать тьму.

Кифри чуть отодвинулся, взял подушки, но не видел лица шаманки за тёмной вуалью. Однако в том, как девушка наклоняла голову, как суетливо, будто стесняясь собственной неловкости, расставляла посуду, он узнал её. Отложив подушки, седовласый парень придвинулся ближе к костру и не сводил взгляда с её потрёпанного наряда, с хрупких, усталых плеч, с золотого посоха, похожим на колдовское перо, будто в этих деталях мог прочесть всё, что связывало эту шаманку с его ученицей. Кифри казалось, что желание сбежать из шатра у них было общим...

Коко чувствовала этот взгляд и потому двигалась ещё суетливее, стараясь не поднимать глаз — будто, если она посмотрит на учителя, всё рассыплется. Шаманка держала тару, пока Хельга разливала отвар деревянной ложкой: капля за каплей, словно отсчитывались мгновения, которые уже не вернуть. Кифри не отрывал от неё глаз, будто боялся, что стоит ему моргнуть — и едва улавливаемый образ исчезнет, растворится, как утренний туман, оставив после себя лишь холод и пустоту.

Наконец, голос, надтреснутый долгим молчанием, дрогнул.

— Коко...

Длинные волосы цвета выгоревшей травы, рассыпавшиеся по плечам, Кифри не мог спутать ни с кем другим. И в этот миг Коко словно обессилела: слова здесь были ни к чему. Мантия соскользнула с плеч, потянув за собой шляпу и вуаль, за которой так отчаянно пряталась. В светло-зелёных глазах, за густыми ресницами, недавно горел упрямый огонёк, но теперь он погас: Коко сочла его неуместным. Она поднялась и сделала шаг к учителю, но замерла, не зная, как поступить. Вежливая, заученная улыбка сползла с лица, и вдруг весь её наряд, вся её нынешняя жизнь в логове Хельги, статус шаманки, все знания и силы, к которым она так упорно шла, показались нелепыми, чужими, запретными — словно ей необходимо сейчас перечеркнуть всё, к чему привыкла и присвоила себе в мире чёрной магии. Коко осознала, что не могла этого сделать. Теперь это её часть.

Горячие, неудержимые слёзы подступили к глазам, но не могли смыть ту внутреннюю борьбу, где сталкивались долг и личное чувство, сила и слабость, прошлое и будущее. Ворох мысленных оправданий, которые Коко шептала себе ночами, а теперь не могла произнести вслух перед Кифри, оборвал единственный вопрос наставника.

— Почему?

Он вцепился пальцами в толстое одеяло, будто оно могло удержать его на краю пропасти, и с трудом поднялся на ноги. Сделав шаг вперёд, он пошатнулся — мир качнулся, как палуба корабля в шторм, когда небо и земля меняются местами. Но Кифри удержался, схватившись за деревянный опорный столб шатра. Коко тут же рванулась к нему, готовая подхватить, не дать упасть. Но вдруг замерла, пряча окровавленные руки за юбку с изумрудным переливом и тонкими узорами. Кожа была покрыта мелкими шрамами, ссадинами и запёкшейся кровью — следами битвы с Кендрией, которые она не успела и не хотела скрывать. Ветер ворвался в приоткрытый шатёр, толкнул её вперёд, будто подталкивая к неизбежному, и в этот миг Коко поняла: учитель всё видит. Он видит не только кровь, но и то, ради чего она её пролила.

Кифри поднял взгляд из-под взъерошенной чёлки, упавшей на небесные глаза, в которых поселилось сокрушение на самого себя, досада и горечь, проникавшая глубже любых слов. Не раздумывая, молодой человек выхватил из рук Коко шляпу и швырнул её к костру. Хельга молниеносно поймала её кривой палкой — ловко, как хищная птица хватает добычу, — и тут же вернулась к перебиранию углей. Из пламени то и дело вырывались яркие искры и рассыпались в воздухе, словно крошечные звёзды, обречённые погаснуть в первую же секунду.

Коко вдруг ощутила себя раскрытой книгой — все строки, написанные кровью и слезами, оказались выставлены на обозрение того человека, которому боялась проявить свою тёмную сторону. Вот только, застыв в ожидании порицательных криков, обвинительных приговоров и отвращения, девушка не сразу почувствовала, как Кифри обхватил её за плечи, притянул к себе. Он приглаживал её волосы — длинные, цвета выгоревшей летней травы, рассыпавшиеся по плечам, как шёлковые нити, утешая скорее себя, чем Коко. Молодой человек хотел провести ладонью и рассеять обман, убедиться, что это не видение, не игра разума в продолжении вечного сна.

И в этот момент стало непонятно, кто кому служит опорой: высокий, всё ещё слабый Кифри, цепляющийся за реальность, давно ставшую для всех, кроме него, воспоминанием, или маленькая, измученная, но не сломленная Коко, которая пронесла сквозь годы осколки

этих воспоминаний и сохранила их в сердце как самое дорогое сокровище. Наставник был по-прежнему выше её на целую голову, тяжелее, крепче, но сейчас она чувствовала не его тяжесть, а живое, настоящее тепло, пробивавшееся сквозь ткань чёрной водолазки.

Это тепло будто шептало ей: он здесь, он жив, он вернулся. И в нём таилось не просто избавление от холода — оно вырывало Коко из той душевной темницы, где она томила все эти годы, не признавая своё одиночество и обиду на тех, кто её отверг и не сумел понять.

В этом тепле было что-то до боли родное, привычное с самых первых уроков, когда Коко смотрела на профессора, ловя каждое слово, будто это были не наставления, а ключи к миру.

Коко прижималась к груди Кифри, пряча румяное лицо, и не решалась признаться даже себе, насколько глубоко вросла в неё эта связь с ним. За привычным почтением ученицы, за трепетом перед мудростью учителя пряталось чувство, которое Коко пока не могла назвать. Оно пугало своей новизной — будто девушка ступала по тонкому льду, не понимая, выдержит ли. Оно сплеталось с благодарностью, с горьким страхом снова потерять и желанием начать заново с тем, что едва обрелось. Потому Коко, скользя ладонями по широкой полусогнутой спине молодого человека, прижималась щекой к его шее и прятала это чувство за суетливой заботой, за неловкими движениями, за попытками держаться чуть отстранённо — словно дистанция могла уберечь её от собственной смелости, но сердце упрямо знало: это не просто радость от встречи. Это чувство Коко путала с уважением, оправдывая долгом ученицы великого колдуна, что восхищал и влюблял своим талантом всех в этой стране. Цепляясь за привычные роли, она считала, что не имеет права что-либо менять...

— Вам нельзя резко вставать, — прошептала Коко. Она ощущала, с каким беспокойством Кифри смотрит на неё, и от этого взгляда, будто пытавшегося прочесть в её чертах всю историю пережитого, ей становилось неловко. Молодой человек хотел прикоснуться к её лицу — убедиться, что её всхлипы ему не помешали, — но Коко мягко отстранилась. Не из неприязни, а потому что сейчас любое прикосновение казалось ей слишком острым, почти обжигающим. Шаманка осторожно надавила Кифри на плечи и усадила его обратно на мягкое одеяло среди разбросанных подушек в шатре.

— Сколько? — Кифри удержал её ладонь и притянул к себе, словно этим жестом мог удержать и само время. Так он пригласил её сесть рядом и снова переспросил: — Сколько времени прошло?

Коко с тяжким вздохом опустила на колени возле наставника, не отпуская его руки. Его пальцы скользили по её коже, невольно касаясь старых ран — следов чёрного колдовства и долгих ночей, когда она играла на шаманских инструментах, будто музыкой пыталась заглушить страх перед призывом сущностей, покорявшихся её воле. Длинные волосы Коко, цвета выгоревшей травы, влажные от растаявшего снега, рассыпались по правому плечу. В свете костра они казались прядями лесного мха, в которых запутались золотые искры.

— Восемь лет, учитель, — тихо ответила она и сплела свои пальцы с пальцами Кифри. Чуть приподняв их руки, сравнила ладони: разница в размере теперь была не так заметна.

Кифри замер. Восемь лет — целая вечность. Он смотрел на повзрослевшую ученицу и видел в ней не просто девушку, прекрасную, как луна, с усталыми, но сияющими глазами, а ту, что взяла на себя непосильную ношу. Она стала оружием в руках шаманов, сняла проклятие, к которому никто не рисковал притронуться, брезгливо считая его чем-то вроде заразной болезни. И Кифри никак не мог совместить этот образ с той двенадцатилетней девочкой, что когда-то сжимала в руках перо, с раскрытым ртом разглядывала причудливые колпаки в городской лавке, восторженно играла с волшебной палочкой в цветочном поле и под лучами солнца пересчитывала свои веснушки...

Несмотря на изнеможение, Коко была счастлива видеть Кифри. Она уже не прятала искреннюю улыбку, когда он наклонился и упёрся лбом в её плечо — не отнёсся к ней с презрением, как те, кто жил под одной крышей с ней в ателье.

— Восемь лет, — пробормотал Кифри, и в его голосе прозвучали сожаление и горькая самокритика. — Прости меня.

— За что? — Коко удивлённо подняла брови, будто сама мысль о его вине казалась нелепой. Она обернулась, стараясь не потревожить его тяжёлую голову, хотя рука так и тянулась к седой, отросшей копне волос — их смело можно было заплести в хвост.

Поймав её взгляд, хмурый Кифри, в чьих потемневших небесных глазах читалась целая буря чувств, прошептал:

— Я оставил тебя одну тогда, на горе. Ты, наверное, была сильно напугана. Скажи, что они с тобой сделали? Пленили? Шантажировали? Клеймили? Скажи прямо, и я не оставлю в этой искажённой реальности даже песчинки.

— Кхм-кхм, я вам не мешаю? Конечно, всё понимаю, но я всё-таки не глухая стенка, — прокряхтела Хельга у костра, теряя остатки терпения из-за пылких заявлений могущественного колдуна в её доме.

Кифри бросил на старуху короткий, ничего не обещающий взгляд и, не говоря ни слова, развернулся, загородив Коко собой и укутав их обоих своей бежевой мантией — словно хотел спрятать девушку от чужих глаз и чужих суждений. Коко тихо рассмеялась: ей было одновременно неловко перед Хельгой и тепло от этих забытых попечительных жестов наставника. Он по-прежнему не знал всей правды и по-прежнему считал её ребёнком, искренне веря, что всё ещё может полностью укрыть её за своей спиной.

Коко покачала головой и осторожно опустила руку Кифри, ослабив натянутую мантию. Слабое тело молодого человека послушно легло обратно на пушистое тёмно-синее одеяло, поверх нескольких восточных ковров. Кифри сдержанно опустил руки на грудь, не желая обострять ситуацию при Хельге, и теперь внимательно следил за каждым движением Коко, хозяйничавшей в просторном

шатре, где перья, сплетённые ветки над куполом и артефакты, хаотично подвешенные на нитях, напоминали паутину, сотканную из тайн и силы.

— Всё в порядке, господин Кифри. Теперь всё будет хорошо, — твёрдо произнесла Коко. Она вернулась к костру, взяла чуть остывшую тару с отваром и поставила рядом с наставником на полотенце вместе с принадлежностями для ритуала восстановления.

Шаманка осторожно приподняла голову молодого человека — седые волосы средней длины рассыпались по подушке — и поднесла к его губам тару с приятно пахнущей, но горькой на вкус жидкостью. Кифри выпил её до последней капли: за столько лет он и не осознавал, как мучили его жажда и голод.

Коко опустила взгляд на смоченные губы наставника и на дорожку капель травяного отвара, стекавших по его щеке. Он стёр их ладонью, а она замерла, понимая, что не стоит затягивать с рассказом, которого Кифри так ждал и ради которого был готов исполнить любой её наказ. Но в голове вихрем проносились воспоминания: обманутые стражи, украденный гримуар, тёмные собрания в пещерах, убийство Кендрии и переполох в королевстве из-за приказа об охоте на Шляпницу, прозванную Изумрудной шаманкой... Всё это лежало на совести бывшей колдуньи тяжёлым грузом — словно камни в мешке, который она носила годами.

Тем временем Коко водила вокруг мелодичной тары толстой палочкой, выводя тонкий исцеляющий звук — это было приготовлением к призыву духа, способного разогнать витальную энергию в теле Кифри.

— Коко, — тихо позвал молодой человек, заметив, что мысли унесли её далеко.

— Посмотри на меня, — попросил он мягко, без приказа, просто как человек, которому жизненно важно было убедиться, что она слышит его, что она здесь, настоящая, а не плод его измученного воображения или иллюзия Шляпников.

Коко послушно подняла зелёные глаза от пустой тары, не прерывая мелодии. В его лазурных очах не было ни упрёка, ни осуждения. Кифри медленно похлопал ладонью по пуховому одеялу, приглашая шаманку прилечь рядом и хоть немного расслабиться.

Коко неуверенно опустилась рядом с молодым человеком — слева, так, чтобы их глаза оказались на одном уровне. Полумрак шатра дрожал от пляшущих теней и света свечей.

— Я здесь только благодаря твоим стараниям, — сказал Кифри, повернув к ней голову и улыбнувшись. — Ты спасла меня от недуга, к которому даже старик Белдрут не мог найти противоядие. Твои способности превзошли все мои ожидания. Ты так выросла...

Он на секунду запнулся, а потом добавил:

— Я больше не могу быть твоим учителем. Я никакой не господин и не профессор. Теперь мы с тобой на равных. Зови меня Кифри.

— Но я же всё равно младше на год, — тихо возразила Коко.

— Это теперь уже не так важно. Когда я смотрю в твои глаза, мне кажется, что прошло куда больше, чем восемь лет. Расскажи мне обо всём, Коко. Что мне сделать для тебя, чтобы вернуть радость на твоём лице?

Девушка вновь опустила ресницы, пряча взгляд, словно боялась выдать то, что творилось в её душе. Ладонь голубоглазого юноши была тёплой, живой — и от этого простого, почти незаметного прикосновения по её телу разливалось такое глубокое, тихое спокойствие, какого она не знала за все минувшие годы. Будто весь хаос мира, горечь сиротства, все страхи и долгие дороги, испещрённые следами её шагов, наконец привели её туда, где ей и суждено было оказаться.

В полумраке, напоённом запахом нагретой травы и далёкого моря, её волосы, мягкие, как шёлковые нити, струились по груди Кифри. Он невольно приглаживал их, закручивал в пальцах, и лёгкая щекотка будила в нём улыбку. И вдруг — будто повинувшись незримому шёпоту самой земли — в её волосах, от самых корней, начали распускаться крошечные белые цветы. Они были похожи на миниатюрные бутоны гортензий, нежные, почти прозрачные, словно сотканные из утреннего тумана. Они оплетали пряди, тянулись к Кифри, будто искали его тепла.

Коко замерла, поражённая, и смущённо коснулась волос, словно не веря своим глазам. Она не могла понять, как это случилось, не могла унять это странное, неподвластное ей цветение — оно жило своей жизнью, раскрываясь в такт биению её сердца.

Кифри вдруг усмехнулся — той самой лёгкой и игривой улыбкой, от которой в уголках его небесных глаз собирались тонкие морщинки. В этой улыбке было столько тепла, столько безмолвного любования, что у Коко защемило сердце. Ей на миг показалось, будто она делает что-то запретное, будто эти цветы выдают её страшную тайну. Но Кифри не отстранился: напротив, он смотрел на белые бутоны с упоением, накинуд густую прядь волос себе на лицо, скрывая за ними широкую улыбку, и, зажмурившись, зарылся в них, чтобы чувствовать лишь невесомое благоухание гортензий с фруктовыми нотами. Прикоснувшись губами к травянистым прядям с цветами, он словно впитывал саму суть Коко — для него она и вправду стала чудом, которое только-только раскрылось.

— Что такое, Коко? Ты стала куда серьёзнее, чем я мог представить, — произнёс Кифри шутливо, повернувшись на бок и подперев голову согнутой рукой. Но тут же стёр улыбку с лица, будто понял, что сейчас не время для легкомыслия.

Коко встала и опустила взгляд, чувствуя, как щёки заливают румянец. Она отвернулась к костру и сделала вид, что поправляет котелок с супом, хотя на самом деле просто не могла больше выдерживать этот тёплый, пронзительный взгляд, который, казалось, видел её насквозь.

В воздухе витал густой, пряный аромат похлёбки — смесь сушёных корней, дикого лука и копчёного мяса. Эту еду Коко собирала по крохам во время долгих странствий: пря-

тала в карманах, обменивала на сведения, берегла как сокровище. Пламя трещало, выплёвывая искры; они кружились в воздухе и исчезали в темноте шатра, словно сгорали в собственной спешке, не успев даже осветить путь.

— Я приготовила обед, — тихо сказала Коко, зачерпывая деревянной ложкой густую, ароматную похлёбку. Ложка чуть дрогнула в её пальцах, но она тут же крепче сжала рукоять, будто твёрдость дерева могла придать ей сил. — Вам нужно поесть.

Кифри снова попытался приподняться, упираясь ладонью в пол, но мышцы, долго не знавшие нагрузки, предательски дрогнули. Коко мягко, но непреклонно надавила ему на плечо, останавливая, и поднесла миску к его губам. Он хотел было возразить, привычно нахмуриться — он всегда терпеть не мог, когда с ним обращались как с немощным, — но в её взгляде было столько упрямой заботы, что слова застряли у него в горле.

— Моя очередь позаботиться о вас, — сказала Коко. — Отдохните немного, и мы продолжим.

В этой просьбе пряталось её тихое желание — задержаться в этом моменте, растянуть его как можно дольше, прежде чем придётся раскрывать все тайны и обсуждать то, что лежало между ними тяжёлой тенью.

«Дайте мне успеть сделать хоть немного добра для вас, когда мир вокруг очерняет мою фигуру. Дайте вернуть хоть крупицу того тепла, что вы подарили мне когда-то», — остались неозвученными эти мысли, но повисли в воздухе, едва уловимые, как запах дыма и трав.

И в этот момент пламя костра вдруг вспыхнуло ярче, будто само пространство решило поддержать её просьбу. Тени, до этого метавшиеся по стенам шатра, на миг замерли, словно тоже затаили дыхание. А взгляд Кифри, тихий и внимательный, скользил по её силуэту, будто пытался запомнить каждую черту, чтобы больше никогда не потерять.

Тёплый полумрак шатра обволакивал их, словно мягкое одеяло, сотканное из тишины и едва уловимого запаха дыма — пряного, горьковатого, с тонкой ноткой травяных настоев, будто сама ночь решила укутать их в аромат покоя. Коко сидела над наставником на коленях, едва касаясь руки Кифри кончиками пальцев, якобы нажимая на определённые расслабляющие точки, и он не был против.

— Ты в безопасности, Кифри, — прошептала шаманка. — Больше нечего бояться. Никто из Шляпников не побеспокоит твою душу.

Кифри накрыл её ладонь своей — тёплой, чуть шершавой от старых шрамов и долгих странствий, и поднёс к губам. Его дыхание было осторожным, почти благоговейным, словно он боялся спугнуть Коко, как редкую птицу, что наконец-то села ему на плечо. Пламя в углу шатра на мгновение замерло, будто прислушиваясь, а потом снова затрепетало, выплёвывая в темноту золотистые искры — они вспыхивали и тут же гасли, не успевая даже отбросить тени, словно сама вечность давала им лишь долю секунды на честное признание.

— Ты и так сделала для меня больше, чем кто-либо, — тихо произнёс Кифри, и голос его звучал непривычно хрипло, сплетаясь с болью, надеждой и благодарностью. — Твоя забота для меня — больше, чем ты можешь себе представить. Но я хочу знать цену, которую ты заплатила за мою свободу. Поговори со мной, не молчи...

Коко закусила губу, сдерживая порыв прижаться к молодому человеку, заслонить его от всего мира, который столько лет пытался его сломать. Она хотела, чтобы учитель помнил её той девочкой, что рисовала колпаки и верила в чудеса, а не той, в чьих руках когда-то был посох с золотым остриём, по которому стекала чужая кровь. Резким, почти отчаянным движением девушка встала с ложа и направилась к выходу, будто бежала не из шатра, а от собственных слов, от того, что должна была сказать. Цветочный аромат её присутствия растаял в воздухе, оставив после себя лишь горьковатое послевкусие разлуки, и Кифри остался наедине с тишиной, окружённый воспоминанием о её шелковистых волосах, в которых будто пригрелось само

тепло, и с одним-единственным белым цветком, лежавшим на подушке, как прощальный знак. Молодой человек вложил его к себе в карман.

— Хорошо, я расскажу, — выдохнула Коко, стоя у входа шатра и не оборачиваясь, будто, если она увидит жалобный взор Кифри, слова застрянут в горле и так и не найдут выхода. — Только не торопи меня и силы. Последние возвращаются не так быстро, а тебе они вскоре пригодятся...

Кифри снова терпеливо опустился на ложе и улыбнулся — той самой лёгкой, чуть ироничной улыбкой, от которой у неё всегда становилось теплее на душе.

— Как скажешь, — кивнул он и посидел ещё немного, слушая, как ветер за толстой тканью шатра поёт свою бесконечную колыбельную, а костёр тихо шепчет, пожирая сухие ветки и рассыпая в воздух золотые искры. В этой тишине густой от тепла и близости, Хельга прокашлялась в кулак где-то неподалёку — резко, нарочно громко, будто пыталась выдернуть их из этого хрупкого уюта, напомнить, что реальность не ждёт, пока они наговорятся. Кифри тут же стёр с лица довольное выражение, будто надел привычную маску собранности, и в его глазах мелькнуло понимание: эта старая шаманка знает больше, чем говорит, и сейчас она даёт ему подсказку, что не так много времени у него для того, чтобы разделять радость вместе с ученицей, задумавшей стереть ему память...

Белая ночь за шатром тем временем стала глубже, а звёзды — ярче. Перед зелёными глазами Коко встала ледяная гладь озера, отражающая падающие звёзды, словно зеркало, в котором можно увидеть не только небо, но и все свои грехи. Шаманка ступила на берег и медленно пошла к отражению Луны на воде. Её шаги были тихими, но в них слышалась решимость, тяжёлая, как камень. Кифри, предупреждённый Хельгой, что ученица хочет на этой лирической ноте завершить и обрубить эту связь, не стал медлить. Он накинул бежевую мантию, вышел из шатра — и тут же ветер бросил ему в лицо поднятую песчаную пыль, царапая кожу, напоминая, что мир не станет мягче только потому, что им хочется покоя.

Молодой человек торопливо спустился по склону к одинокому оазису жизни в сумеречной пустыне, над которой небо граничило меж ночью и рассветом, никак не решаясь отдать первенство ни одному из них. Он окликнул Коко, и она обернулась — в шляпе и мантии, но без полупрозрачной чёрной вуали, скрывавшей её лицо.

Наставник, приблизившись, задал прямо вопрос в мёртвой тишине, где даже ветер, казалось, затаил дыхание.

— Коко, что ты сделала? Что ты вообще собираешься делать потом?

Девушка смотрела на него бесстрастно, но в глубине её зелёных глаз плескалась буря, которую она изо всех сил старалась удержать под контролем. Холодная вода касалась её пяток, колокольчики на нитях тихо звенели, звёзды падали и гасли в тёмной глади синего озера, и казалось, что весь мир замер, чтобы услышать её ответ.

— Взгляни на своё отражение, — наконец проговорила Коко, и слова растворились в ночном воздухе, как дым, подхваченный ветром, невесомые и неуловимые.

Опустив взор к озеру, как велела Коко, протянувшую руку, чтобы он встретился с новой версией себя, Кифри не мог поверить своим глазам. Озеро было спокойным, но в его глубине бушевала буря, отражая не небо, а его собственную душу. Он смотрел на своё отражение в мутной воде и заметил, что волосы уж слишком отросли, спадая на плечи, а шрам, который столько лет был напоминанием о мести Шляпников и памятью о боли, исчез без следа. Оба глаза были целы, невредимы, восстановившись полностью, будто никогда и не знали утраты.

— Я украла гримуар Высшего мага, — произнесла Коко ровным голосом, но в нём слышалась храбрость, выкованная в огне отчаяния. — Нашла ту, кто подселила проклятие и забрала твой глаз вместе с даром. Это была глава ордена Шляпников, Кифри. Это была твоя мать, Кендрия. Разве ты ничего не помнишь о ритуале по передаче духа в пещере, которую сам и затопил?

Кифри замер. На секунду шаманке показалось, что сейчас он что-то вспомнил, но он лишь встряхнул головой, отгоняя мысли, которые всегда считал кошмаром, рождённым в лабораториях темницы Шляпников.

— Я устранила её, — продолжила Коко, наконец поднимая голову. Их взгляды встретились: её пустые, зелёные, заплаканные глаза и его лазурные, в которых сейчас отражалась целая буря чувств — боль, неверие, гнев, облегчение и что-то ещё, слишком глубокое, чтобы назвать это одним словом.

— Мне очень жаль, но она давно уже не являлась твоей матерью. Она потеряла контроль над всеми взятыми сущностями и носила твой глаз как трофей. Я умоляла её передумать, вернуть тебе заслуженно счастье и жизнь. Но она отказалась.

Коко сделала паузу и провела золотым посохом по ровной водной глади, создавая полумесяц из волн, которые заставили Кифри увязнуть в иле и песке дна озера. Тем временем вода у ног шаманки со звенящими колокольчиками на нитях потемнела, будто сама стихия скорбела о том, что должно быть сказано.

— Пожалуй, я пробужу твой дух чуть позже, — продолжила она, глядя ему прямо в глаза, не прячась, не отводя взгляда, потому что знала: только так можно расстаться без сожалений.

— Твой дар и Высший дух возвращены хозяину, и он не заставит тебя ждать. Ты свободен, Кифри. Ты можешь быть счастливым. И обязательно будешь им, когда вернёшься домой. Ты вернёшься величайшим магом в истории. Я буду рядом, но здесь наши пути разойдутся.

— Коко, выслушай меня! — перешёл на крик Кифри, его голос дрожал от напряжения, от желания удержать её, не дать ей уйти в ту тень, куда она так упорно стремилась.

— Я не понимаю! Зачем стирать память у всех? Зачем обрекать себя на одиночество? Зачем делать из себя изгоя, если я готов принять всё, что ты сделала?

Вода тихо шелестела вокруг, будто шептала о времени, которое стирает все человеческие следы. Руки Коко дрожали, и она не пыталась скрыть то, что заклинание дастся ей легко.

— Потому что не хочу оставаться той темой, о которой предпочитают молчать, — призналась Коко шёпотом, и в этих словах была вся её боль, вся усталость от того, чтобы быть «той самой», которую все стараются не замечать.

— Я боялась, что ты, очнувшись, согласишься на меня с отвращением, так же, как и Агата, Риче, Тетия и Олруджио. Я не смогла бы этого вынести. Но теперь я не понимаю, почему ты готов закрыть глаза на то, что я шаманка, на то, что встала на вражескую сторону...

— Глупая, — перебил девушку Кифри, и в его голосе прозвучала такая нежность, что Коко вздрогнула, будто от прикосновения к чему-то очень хрупкому, к самой душе, что прокляла Кендрия на смертном одре.

— Ты самая храбрая и безрассудная ученица, как и я когда-то. Я не имею права судить тебя. Ты тоже не знаешь обо мне всей правды.

Коко возвышалась над Кифри, наполовину стоявшим в озере. В этот миг она казалась ему не просто сильной — она была недостижимой, но достойной принятия её шипов, достойной веры в её мечты, достойной всеобъемлющей взаимной любви.

— Кифри, я должна это сделать, — прошептала Коко, и голос её звучал твёрдо, но в нём слышалась такая усталость, что ему хотелось просто забрать её в объятия и больше никогда не отпускать. — Не хочу видеть, как у тебя останется след моих проблем, как ты грустишь из-за моего выбора, как ставят чёрное пятно на твоём имени из-за такой ученицы, как я. Эта проблема стала слишком большой. Мы снова встретимся, когда я выполню обещание, данное Хельге.

— Я не хочу другой истории, — ответил Кифри, глядя на девушку снизу вверх, и в его взгляде было столько решимости, что Коко на мгновение поверила: может быть, он действительно сможет всё исправить.

Но хватит. Хватит перекладывать ответственность на других.

Тем не менее от тоскливого томления в груди Коко сделала пару шагов к наставнику, раскинувшему руки в стороны, и, опираясь на огромное золотое перо, она отпустила посох. В следующее мгновение девушка провалилась под хрустальную гладь озера в прощальные объятия Кифри. Обвив его шею руками, девушка уронила шляпу и посох, канувшие на дно, и прижалась мокрым лицом к его щеке. И разрыдалась — навзрыд, как не плакала восемь лет. Это единственное, что ещё не успела, но так хотела сделать перед тем, как отнимет у учителя память.

Плотина, которую Коко держала годами, наконец треснула, и хлынули наружу все невысказанные страхи, вся накопленная боль и одиночество, которые она носила в себе, стараясь казаться сильной.

Седой молодой человек обнял её, глядя по вздрагивающей спине и держа на руках, не давая коснуться Коко дна босыми стопами и покачивая её в воде неторопливо, будто хотел успокоить, сгладить все острые углы, унять слёзы, передать ей в кольце рук безмерное желание защитить покой и вернуть ей веру в то, что мир может быть отзывчивее, мудрее и добрее, чем они.

— Я так устала, — прошептала Коко между всхлипами. — Но я должна изменить исход будущего в предсказание Игуина!

— Знаю, милая, — ответил Кифри, унося замёрзшую девушку из тёмно-синего озера на песчаный серый берег.

— Ты должна сделать это. Но обязательно брать абсолютно всё в свои руки. Я придумаю, как тебе помочь. Я всё исправлю. Теперь всё страшное позади. У тебя есть те, кому ты можешь довериться.

Молодой человек усадил Коко на песок у иссохшего крюченого дерева, снял с неё мантию шаманки и настойчиво укутал своей, тёплой, пахнущей дымом и травами. Прохладный ветер пустыни шевелил его длинные белоснежные волосы, пока Кифри потирал её плечи, стараясь вернуть тепло, и усадил девушку себе на колени, чтобы она не сидела на холодном песке. Где-то неподалёку пела ещё одна живая душа, ночная маленькая чёрная птица с изумрудным блеском оперения — её трель звучала так обыденно, так по-домашнему, что на мгновение казалось: всё случившееся было лишь дурным сном, и совсем скоро они проснутся в ателье и сядут завтракать за общий стол со всеми, слыша то же пение птицы за окном.

Когда Коко наконец успокоилась, она отстранилась и посмотрела на Кифри. Её лицо было мокрым от слёз и воды, щеки покраснелись от холода, но в зелёных глазах впервые за долгое время светилась не просто надежда — в них горела решимость. В ней родилась новая цель: создать реальность без тёмной магии, победить тьму разума и туман незнания.

— Ты всегда умел утешать, Кифри, — сказала Коко с лёгкой улыбкой, утыкаясь лбом в его ключицу за сухой чёрной водолазкой, доставая из кармана платья синюю ленту, которую сохранила от его колпака. Девушка завязала длинные, непослушные, густые седые волосы молодого человека в хвост, аккуратно собирая остrokонечные пряди, желая оставить в его образе хоть одну деталь от своих омытых и очищенных рук.

— Я больше не дитя, чтобы нянчиться со мной. Это только моё дело и благодарность Хельге за то, что она приютила меня, спрятала от Шляпников и заступилась пред всеми.

— Ты и сейчас не такая уж большая, — усмехнулся Кифри, но в этой усмешке не было насмешки — только нежность и горькое понимание того, сколько девочке пришлось вынести, оставаясь при этом той самой, что верила в чудеса. Голубоглазый парень снова поднял Коко на руки, обхватил ноги и прокружил на песке, сам будучи босым, зарываясь влажными пятками в прохладный песок, слыша, как звенят колокольчики на её ногах и прорывается такой же высокий, как их звон, смех девушки, прижавшейся к его груди. Кифри был намерен сделать всё, чтобы она передумала стирать эти воспоминания, ставшими частью жизни, которую знали только они вдвоём.

— Давай договоримся: больше никаких тайн. Никаких самоистязаний. Расскажи мне всё. Каждую деталь. Не обещивай мои способности, если знаешь, что я стал гораздо сильнее. Я хочу быть рядом не как наставник, а как тот, кто разделит с тобой эту ношу.

Коко опустилась на песок и покачала головой отрицательно. С её плеч так и не спал невидимый груз — тяжёлый, многотонный, который она носила так долго, что почти перестала его ощущать, но который по-прежнему давил, мешал дышать, заставлял прятать глаза. Но в этот раз, когда она посмотрела на Кифри, в её взгляде было не только упрямство — в нём мелькнула надежда, что, может быть, в дальнейшем ей улыбнется удача.

Над озером повисла звенящая тишина — та самая, что бывает перед грозой, когда воздух становится густым и тяжёлым, будто сам мир затаил дыхание. Коко отстранилась, и её тело, лёгкое, словно сотканное не из плоти, а из лунного света и шёпота ветра, плавно взмыло над водой, будто Коко перестала подчиняться законам тяготения, подчинившись лишь своей воле. Травянистые пряди её волос воспарили, волнообразно колышась в рассветном ветру, и кончики их невесомо коснулись щёк Кифри — пахнущие воском, цветами и сладким мёдом, они хранили в себе запах их ателье, где каждый уголок был пропитан теплом, смехом и магией, казавшейся тогда такой безобидной.

В этом странном измерении, где солнце никогда не поднималось над горизонтом, а лишь вечно кружило у кромки мира, небо окрасилось в бледно-золотистые тона — обещая день, который так и не наступит. В этом завтра для Кифри ей больше нет места. В этой обманчивой заре было что-то невыносимо печальное, будто сама вечность скорбела о том, что должно было случиться, и даже ветер, обычно такой беспечный, теперь тянулся к земле, словно боялся стать свидетелем этой развязки. И тогда Коко приподняла руку над озером — и её шляпа с посохом вынырнули со дна, будто сами стремились вернуться к хозяйке, признавая её власть даже там, где вода стирала следы.

Тёмно-фиолетовая шляпа шаманки, с изумрудными нитями, поблёскивающими от лунного света, мягко опустилась на голову девушки, а в руки она взяла посох, крепко сжав его резное основание — так, словно это была единственная опора в рушащемся мире, последняя нить, связывающая её с тем, кем она когда-то была. По краям изумрудного платья с летящим подолом вспыхнули узоры: фиолетовым и золотистым светом они засияли холодным волшебным переливом, похожим на мерцание змеиной чешуи, живой, опасной и бесконечно красивой. Коко медленно приподняла шляпу, давая Кифри увидеть её лицо в последний раз — лицо ученицы, перешагнувшей черту, которую нельзя стереть, черту между колдуном и шаманами, между прошлым и будущим, между «мы» и горьким «я должна научиться бороться за себя сама».

— Я сама пошла на это и заставила себя страдать, — произнесла она, и голос её был тих, но разносился над озером, как звон клинка — чистый, беспощадный и до ужаса правдивый. — Заставила страдать других, как и тебя. Я сама во всём виновата. И больше не хочу вас вытягивать в эти разборки. Без памяти вы им не будете нужны. Хотя зачем я это говорю? Мне этот крест и нести. Быть может, он станет моей самой сильной опорой в скором будущем...

Кифри, с вздёрнутыми бровями и широко раскрытыми глазами, полными отчаянной мольбы, подался к ней, будто хотел схватить за руку, удержать, переубедить одним только взглядом. Молодой человек не хотел прощаться с воспоминаниями, пускай они будут на расстоянии — разлуку он с трудом вытерпит, но вечность не сможет жить счастливо без Коко. Но ноги его шаманка сковала ледяной водой, а сама отступала медленной поступью по утопающему песку пустыни, словно каждый шаг давался ей ценой крошечной смерти внутри, и с каждым шагом между ними росла не просто дистанция, а целая вселенная молчания. Она протянула ко лбу голубоглазого молодого человека наконечник золотого пера — и Кифри схватился за него, оттягивая в сторону, не прося, а умоляя Коко поверить в них, в то, что они смогут пройти через это вместе, что никакая жертва не принесёт счастья, о котором он грезил.

— Иначе не выйдет, Кифри, — ответила девушка, и в её голосе теперь звучала не боль, а сталь, выкованная в огне одиночества и закалённая тысячами бессонных ночей. — Я научилась доверять только себе. И должна пережить все тяготы в одиночестве, чтобы не ощутить ещё большую боль от повторной потери и вины. Для вас теперь я пустое место. Пускай оно будет заполнено чем-то более значимым.

— Не говори так! Никто мне тебя не заменит, Коко! — Кифри сорвался на крик, и от этого по воде пошли беспокойные волны, расходясь кругами, будто само озеро вздрагивало от его боли, а воздух, казалось, становился удкшливым от усиливающейся песчаной бури. Острый наконечник пера шаманки надавливал, заставляя Кифри неминуемо погружаться в тёмно-синий омут, и каждое его движение, каждый рывок сопротивления лишь глубже утягивали его в эту холодную бездну, где не было ни света, ни надежды, ни её голоса.

В ответ на его крики Коко на миг прикрыла ресницы, и одинокая слеза, скользнув по щеке, упала в воду, растворившись в ней без следа, как последнее доказательство того, что она всё ещё человек, а не просто сосуд для разрушительной силы. А когда девушка вновь раскрыла свои сиреневые, вспыхнувшие внутренним светом очи, в них уже горела пламенем только решимость. В тот миг пробудилась разрушительная сила подселённой души — та, что досталась Коко после убийства Кендрии, которая даже после смерти сумела насолить ей, ведь убивая кого-то, человек теряет в первую очередь свою душу.

На бледной коже рук, шеи, лица и ног проступила сиреневая татуировка в виде чешуи — словно она проступала изнутри, будто магия пыталась прорваться сквозь саму её суть, меняя шаманку навсегда.

Кифри замер, глядя на это, и вода, достававшая ему до пояса, вдруг показалась ему не просто холодной, а смертельно ледяной, пробирающей до самых костей. К горлу подкатил ком — тяжёлый и горький, как пепел, оседающий на языке после пожара, выжигающего всё дотла.

— Они прокляли тебя? — выдохнул он, и в этом вопросе было не столько потрясения, сколько отчаянного желания найти хоть какую-то лазейку, чтобы остановить процесс, спасти Коко и отомстить шаманам за каждую её жертву, за каждую каплю пролитой ею крови, за каждую слезу, которую она прятала от всех.

— Я не хотела становиться предательницей, — прошептала Коко, собирая на конце посоха сиреневую вспышку света — заряд, который должен был положить конец их связи, стереть её из его памяти, как стирают углём рисунок на песке, не оставляя даже тени.

— Я хочу, чтобы ты запомнил, что я люблю магию. Люблю наше ателье. Люблю девочек и профессора Олруджио. Я люблю тебя, Кифри. Простите за то, что моя любовь к магии забрала у всех вас самое важное — возможность жить, а не выживать в мире войны из-з сквернословных и искаженных предсказаний. Пока вы живы, я смогу разрешить эту боль и вернуть баланс сил. О большем мне и нельзя просить...

Кифри смотрел на Коко так, будто пытался запомнить каждую черту её лица, каждую тень в её зелёных глазах, каждую сиреневую чешуйку проклятия на щеках, каждый едва уловимый жест, который он потом будет искать в снах и не находить. И наконец, сквозь ком в горле, сквозь вихрь слов, которые так и не находили выхода, он проронил то, что рвалось из самой глубины его души, самое важное, самое хрупкое.

— Не делай того, о чём жалеешь уже сейчас. Говорил же, я плохой пример для подражания...

Его лазурные глаза умоляли остановиться. Кифри не хотел терять Коко. Не хотел терять их общие счастливые воспоминания — те самые, что стали для него воплощением дома и уюта в ателье, тем, что он и называл счастьем. Коко стала ему дорога не просто как ученица, а как человек, чьи желания он уважал, чьи глаза видели в мире лишь самое красивое, самое чистое, самое вызывающее улыбку. И Кифри хотел стать похожим именно на эту девочку, какой была изначально Коко. Рядом с ней тревога и тьма отступали, растворяясь в её свете, и даже самые

мрачные дни становились чуть светлее. Он проживал с ней своё потерянное детство в насилии и жестокости. Кифри первым ступил на путь взаимного доверия, доверив девочке единственной знание о своей болезни и прошлом, как секрет о глупой шалости. Коко стала для него надеждой на лучшее будущее и поводом жить дальше, быть счастливым даже в постоянной тревоге за её мелочи и капризы. И вот теперь она выросла и стала, несмотря на неисполненное обещание, хорошим человеком, который оставил неизгладимый след от своей доброты.

Но Коко, улыбнувшись сквозь слёзы, всё равно выстрелила в лоб наставника потоком света. Озеро отразило эту вспышку, слившись со светом Луны, и озарило бесконечную пустыню, как рассвет, которого никто не ждал, словно сама ночь на мгновение решила притвориться днём, чтобы скрыть то, что происходило на её берегу. Даже курящая трубку Хельга выглянула из-за шатра, будто сама реальность вздрогнула от этого света, не в силах остаться равнодушной. Лёгкое прикосновение пера посоха ко лбу Кифри — едва ощутимое, как крыло бабочки, — отразилось в его теле ослепительной вспышкой, уносящей дорогие сердцу образы, моменты, детали, превращая их в дым, который невозможно поймать, в эхо, которое затихает раньше, чем успеваешь его услышать. Протянув руку к Коко, он хотел ухватить её, удержать, но касался лишь потяжелевшего воздуха, который не мог удержать ни одной частицы её сути, ни одного отголоска её голоса.

— Простите, учитель, — повторила Коко, прикрывая половину лица полупрозрачной вуалью с вышитыми золотистыми рунами, и оттолкнула его назад, в пучину вод озера. Кифри, ослеплённый этой вспышкой, остался в опустевшем сознании, на пике эмоций, не понимая, почему он так отчаянно не хочет покидать это место под звездопадом, почему ему так важно окликнуть зеленоглазую девушку в мантии шаманки. Он вскрикнул, но звук утонул в брызгах, поглощённый водой, которая теперь казалась не просто стихией, а безмолвным судьёй. Лазурные глаза Кифри закатились, тело обмякло, и он начал погружаться под тёмную гладь, теряя ощущение времени и пространства.

Но Коко не дала ему утонуть. В последний миг, когда вода уже смыкалась над его головой, она открыла портал к подножию той горы, откуда когда-то упали осколки серебряного древа, напрямик в маленький пруд горной речки. Девушка в чёрной вуали, с бежевой мантией колдуна в руках, метнулась вперёд, нырнула за ним, схватила на глубине за талию и вынырнула на поверхность, уже в другом месте, зависнув в воздухе над самой водой, будто на мгновение победила и гравитацию, и судьбу. Опустившись на весеннюю траву вместе с учителем, Коко наклонилась над Кифри и укрыла его светлой мантией, которая принадлежала ему как колдуну, словно хотела вернуть ему хотя бы этот маленький кусочек его собственной идентичности. Её салатовые волосы рассыпались вниз, обрамляя его лицо, словно пытаясь защитить даже этим невесомым покровом, спрятать его от мира, который так часто бывал к нему жесток.

Среди прилипших седых прядей дрожали белоснежные ресницы, и по виску скатилась одинокая капля — то ли слеза, то ли вода с чёлки, которую она аккуратно убрала. Эта капля упала прямо на белые ромашки, росшие у хвойного леса, посреди которого были разбросаны камни, фрагменты скал, таявший снег от лавины и остатки серебряного древа. В этом молчаливом жесте была мольба — о прощении, о правильности выбранного пути, о том, чтобы он когда-нибудь смог её понять, даже если не вспомнит ни её лица, ни её имени.

Коко стёрла воспоминания о себе у Кифри, заменив их на образ Агаты — той, что действительно соответствовала обещанию о лучшей ученице, той, что оправдала его ожидания и не принесла ему столько боли. Собрав волосы в тугой пучок и спрятав их под шляпу, Коко нагнула на плечи чёрную мантию с золотистым внутренним сиянием, будто хотела укрыть в ней не только тело, но и ту часть души, которая всё ещё болела от необходимости причинять боль тем, кого любишь. Взмахнув посохом, она обратилась сиреновой змеей с изумрудными глазами-бусинками и пригласила у шеи спящего молодого человека.

Когда Кифри очнулся, мир обрушился на него не воем песчаной бури и не тусклым светом Луны — а тишину заменил белый шум. Молодой человек с седыми хвостом и длинной синей лентой в волосах судорожно втянул тёплый весенний воздух, будто надеялся уловить в нём хоть один знакомый запах — дым мастерской, горьковатую пыль старых книг, лёгкий аромат лаванды. Но ничего. Только сладость белых цветов, меж которых изумрудный хвост змеи скользнул в траву рядом, оставив на стеблях тонкую рябь.

Колдун приподнялся на локтях, и земля под ним показалась слишком твёрдой. Потерянный небесный взгляд заметался по лугу, метался, как загнанная птица: по груде обломков потемневшей древесины и по дневному небу с заоблачной вершиной горы, где последнее, что он помнил, проводились экзамены его учениц. Солнце висело уже в зените, безжалостно яркое, будто смеялось над его затянувшимся сном. Каждая деталь в окружающем Кифри пейзаже была одновременно знакомой и чужой.

Тревога, холодная и острая, впиалась в грудь. Где он? Что с девочками? Почему всё вокруг кажется сдвинутым на полшага в сторону — будто кто-то тихо переставил мир, пока он спал? Молодой человек снова хотел выкрикнуть имя — то самое, ради которого не пожалел бы голоса, разорвал бы грудь криком. Но имя застыло на губах, рассыпалось, не успев родиться. Это чувство пустоты — будто он забыл нечто бесконечно важное — ранило сильнее меча.

Кифри замер, неподвижный, словно боялся, что любое движение сорвёт тонкую плёнку реальности и всё окончательно рассыплется. Вот только птицы заливисто пели, требуя от прохладящегося седовласого парня, что он точно так же должен сорваться с места и пуститься путь. Поднимаясь, он схватился за голову, морщась от дикой, раскалывающей боли, будто чьи-то пальцы сжимали виски, выдавливая из памяти последние уцелевшие осколки. Кифри зажмурился до красных искр в глазах, а потом, пошатываясь, наклонился к зеркальной глади пруда, чтобы умыться.

Вода приняла его отражение не в первый раз, но шокировало вновь в полной мере. Молодой человек вгляделся в собственное лицо, к которому прикоснулся пальцами, и поразился отсутствию уродливого шрама на правом глазу. Кифри провёл всей ладонью по гладкой коже, нащупал её, проверяя, не обманывает ли его зрение. Однако он и правда исцелился от проклятия, освободившись ото сна в проклятом древе.

Не теряя ни мгновения, Кифри двинулся вперёд, ориентируясь по едва уловимым приметам, которые ещё держались в подсознании, как тени забытых снов. Луга сменялись полями, горизонт менялся: там, где раньше лес был редким и прозрачным, теперь он сгустился в плотную стену тёмной зелени; там, где едва пробивались побеги, теперь росли молодые деревья, тянулись к небу тонкими стволами. А поле гортензий — то самое, что когда-то вело его к родному ателье своим густым, пьянящим ароматом, — разрослось до самого горизонта, сливаясь с кучевыми белоснежными облаками, будто небо опустилось на землю. И всё же дорога к дому с печами и башенками не заросла. Камень, светящийся изнутри — изобретение старого друга, — по-прежнему мерцал тусклым тёплым светом, даже сквозь пыль и время. Кифри шёл, вернее, бежал без усталости чувствуя, как земля отзывается под ногами, и знал: этот путь он проходил тысячу раз.

Позади, бесшумно, почти неразличимо в шелесте травы, за ним ползла изумрудная змея, безмолвно сопровождая колдуна, будто знала дорогу лучше него.

Кифри подошёл к дверям ателье и потянул за нить колокола. Звон прокатился по дому — протяжный, чуть дребезжащий, будто будил само пространство, долго пребывавшее в полудреме. Кифри замер, прислушиваясь: не раздастся ли торопливый шаг, не шевельнётся ли тень в глубине комнат.

Внутри ателье жизнь шла своим чередом, не подозревая о том, какой перелом вот-вот случится. Девочки уже отобедали и теперь отдыхали от наплыва клиентов. В гостиной в одиночестве сидел Олруджио — он едва подносил ложку к губам, двигая ею с той усталой нето-

ропливостью, когда руки действуют сами, а мысли бродят далеко. Его чёрная борода сильно отросла, пряди падали на воротник, придавая ему вид человека, который слишком долго нёс на себе тяжесть дней. Риче и Тетия, занятые уборкой, то и дело бросали на него косые взгляды, а потом, не выдержав, дружно погнали к двери: хозяин должен встречать гостей, а не прятаться за тарелкой. Олруджио поднялся неохотно, шаркая сапогами по половицам, подошёл к двери и, не глядя, распахнул её, на ходу ворча:

— Пунктуальности кого-то не учили! Времени не видели! Договоры не писаны! Трезвонит и трезвонит...

Он устоял в пол, привычно бросил:

— Вы к кому? — и только потом взгляд его скользнул выше, зацепился за босые ноги гостя, а затем резко поднялся, будто его дёрнули за невидимую нить. На пороге стоял Кифри — улыбался, небрежно опираясь на дверной проём, и эта простая улыбка вдруг показалась Олруджио самым невероятным чудом, какое только может случиться в обыденном дне.

— А меня что, из дома уже выгнали? — спросил Кифри, оглядывая друга с той лёгкой насмешливостью, за которой пряталась нежность.

Не дожидаясь приглашения, он хлопнул Олруджио по плечу и прошёл в гостиную, направляясь прямо к столу. В этот момент с лестницы спустились Риче и Тетия — и время будто споткнулось: метлы и тряпки выскользнули из их рук и глухо упали на пол.

— Я составляю тебе компанию? — Кифри усмехнулся, усаживаясь на свой привычный выступ стены, где лежал потрёпанный, но такой родной ковёр. — Ты, кстати, бороду решил отращивать, как Белдрут? А то будто лет на десять постарел.

И тут же смех застрял у него в горле: он встретился взглядом с ученицами и понял, что шутка не сработала. За восемь лет они действительно повзрослели — и это была не просто фраза, а ощутимая перемена, от которой сжималось сердце.

Риче и Тетия не сразу узнали его: шрам, столько лет придававший лицу Кифри резкость, исчез, а отросшие волосы мягкими волнами обрамляли лицо. Они подошли ближе, оставив Олруджио застывшим у двери — ему на миг показалось, что это морок, игра уставших глаз. Но когда они выдохнули в унисон:

— Профессор! — их голоса слились в один вопль, полный неверия, радости и слёз, и реальность обрушилась на всех тяжёлой, тёплой правдой.

Тетия — розововолосая, с кудрявой копной, собранной в два задорных хвоста, — рухнула на колени рядом с Кифри. Пальцы её впились в рукав его мантии, словно ей нужно было физически убедиться, что он настоящий. Риче встала с другой стороны, схватила его руку и прижала к своей щеке, будто хотела согреть его своим дыханием, вернуть ему тепло, которого так не хватало все эти годы.

Кифри ещё не до конца понимал, что происходит. Знакомые стены с пятнами чернил и следами старых заклинаний, полки с банками трав и порошков, запах сухих листьев и горечи настоев, тёплый свет ламп, отбрасывающий мягкие тени, — всё это вдруг стало якорем, удерживающим его в настоящем. Он был дома.

— Девочки, когда вы успели так вырасти? — прошептал он, и голос дрогнул, сломавшись на первом слоге: шутка, которую он хотел бросить, вдруг обернулась правдой, слишком тяжёлой для смеха.

Они обняли его, и их слёзы, горячие и искренние, пропитывали ткань его одежды. Кифри неловко похлопывал их по спинам, чувствуя эту живую влагу, и понимал: это самое настоящее, самое важное, что он мог сейчас ощутить. Они изменились: у Тетии на щеке пролегла тонкая линия шрама — память о каком-то испытании, а Риче теперь носила туго заплетённую косу, словно броню, защищающую её мягкость. Но в их глазах оставалось то же самое — доверие, преданность, почти семейная привязанность.

Кифри взглядом подозвал к себе Олруджио. Он чувствовал свою вину за то, каким усталым и постаревшим выглядел друг. Поднявшись, он обошёл стол, достал бутылку вина, налил в оставленный Олруджио бокал, взял с серванта ещё один — для себя — и протянул другу, предлагая выпить за встречу.

Но Олруджио отмахнулся от бокала, шагнул вперёд и, не говоря ни слова, крепко обнял Кифри. Тот поставил бокал на край дубового стола и ответил на объятие, чувствуя, как дрожат плечи старого друга.

— Тебе не помешало бы побриться, — тихо пошутил Кифри, стараясь хоть этим лёгким словом снять напряжение.

Олруджио уткнулся ему в плечо и держал за плечи так крепко, будто боялся, что Кифри снова исчезнет. А Риче и Тетия, не веря своему счастью, закружились вокруг, расставляя посуду, готовя место для праздничной трапезы, хотя Кифри пытался отмахнуться: теперь у них впереди столько времени для разговоров, не стоит утруждаться.

— Ну как же, профессор Кифри! — возмутилась Тетия, размахивая руками так энергично, что её хвостики вихрились вокруг головы, словно маленькие ураганы. — Вы же восемь лет ничего не ели! Как так можно?! Это же преступление против кулинарии!

Риче молча подала ему поднос с супом — тем самым, сваренным по его собственному рецепту, который он когда-то диктовал ей у очага, не замечая, как она старательно записывает каждое слово. Аромат был одуряющим: густой, пряный, с отчётливыми нотками тимьяна, чеснока и какой-то тайной специи, которую Кифри так и не раскрыл никому. Этот запах разом пробудил воспоминания о вечерах, когда они все вместе сидели за этим столом и спорили до хрипоты о магии, о жизни, о том, что важнее — сила или доброта.

— Я не голоден, — пробормотал Кифри, неловко отодвигая тарелку. Слова прозвучали фальшиво, будто он сам в них не верил.

Девочки переглянулись, и в этом коротком взгляде было столько тихой заботы, что у Кифри защемило сердце. Он вдруг заметил, что посуды на столе куда больше, чем нужно на четверых, — словно они заранее верили, что этот день настанет, и готовили место для него, даже когда надежда становилась слишком хрупкой.

Тем временем Олруджио ушёл в погреб за вином. Когда он снова увидел Кифри, его лицо сначала побелело, будто вся кровь отхлынула, а затем медленно налилось багровым румянцем, как раскалённый металл в кузнечном горне. Бутылки выскользнули из его пальцев, но Кифри, не задумываясь, метнул вперёд лёгкое заклинание водяной магии — всего лишь небрежное движение кистью. Вода послушно обвила стекло, бережно опустив бутылки на пол, не позволив им разбиться.

— Олруджио, — улыбнулся Кифри, и эта улыбка была такой искренней, что, казалось, могла растопить весь снег за стенами ателье.

Бородатый брюнет с седой прядью на чёлке больше не сдерживался. Он снова обнял Кифри и разрыдался у него на плече, выплескивая всё, что копилось в нём эти восемь лет. Он говорил о том, как мучительно было чувствовать себя одиноким, будто часть его души исчезла вместе с другом. И внезапно к нему вернулись все воспоминания, которые Кифри столько раз стирал, чтобы уберечь их обоих: картины попыток Олруджио помешать ему превратиться в дерево, вспышки тревоги, мгновения покоя, которые теперь ощущались как потеря. Для Кифри же самым горьким было именно это обнуление их общего прошлого — словно кто-то стёр страницы из книги, которую они писали вдвоём.

Они спустились в погреб и выпили остаток бутылки прямо из горла, не разливая по бокалам, будто этот грубый жест помогал удерживать реальность.

— Я вернулся, дружище. Я дома, — тихо повторял Кифри, похлопывая друга по спине, по синей мантии, в которой тот, кажется, спал, ел и колдовал все эти годы.

Когда Олруджио наконец отдышался и вытер слёзы рукавом, он попытался вернуть себе привычный серьёзный вид: распрямил спину, нахмурил брови, сделал тяжёлый, оценивающий взгляд. Но не успел он и слова сказать, как его прорвало вопросами — они посыпались из него, как горох из прорвавшегося мешка. Однако Кифри и сам хотел вернуться к столу, чтобы узнать, как шли годы без него, что изменилось в ателье, в жизни его близких.

Их разговор прервал резкий скрип двери и глухой звук упавших сумок — тяжёлых, потрёпанных, с потёртыми ремнями и пятнами дорожной пыли. Звук был такой, будто сама тишина вздрогнула и отступила. Все замерли.

На пороге стояла Агата.

Кифри поднялся из-за стола раньше, чем успел осознать, что движется. Вся усталость, вся тягучая пустота, сковывавшая его тело, вдруг отступила, сторев в одном мгновении узнавания. Он поднял на неё взгляд, и губы тронула тёплая улыбка — не нарочитая, не показная, а та, что рождается глубоко внутри, когда видишь кого-то по-настоящему важного.

— Ты как раз вовремя, Агата, — сказал он, и в этих простых словах прозвучало столько смысла, что они повисли в воздухе, как обещание.

Это было не просто узнавание — это было возвращение чего-то важного, чего он даже не замечал, пока оно не исчезло. Он шагнул ей навстречу, и Агата, отбросив сумку в сторону так небрежно, будто та была лишь досадным препятствием между ней и этим мгновением, бросилась к нему.

Они столкнулись посреди комнаты, и её руки обвили его шею с такой силой, что Кифри на мгновение потерял равновесие, но тут же устоял, обняв её в ответ, прижимая к себе так крепко, будто боялся, что она тоже может исчезнуть, рассеяться, как утренний туман.

Она уткнулась лицом ему в плечо и разрыдалась — впервые за все эти восемь лет, впервые с того дня, как надела маску стальной и властной воительницы, стража магического порядка. Вся её серьёзность, вся выдержка, все стены, которые она возводила вокруг себя, рухнули в один миг, оставив лишь дрожащую девушку, которая так долго ждала чуда и почти перестала в него верить. Её плечи ходили ходуном, дыхание прерывалось, и каждый всхлип был как удар по его сердцу — но это был хороший удар, настоящий, живой.

Тетия и Риче переглянулись за их спинами, обменявшись хитрыми, понимающими взглядами, в которых читалось: «Наконец-то». Прихватив посуду, они тихо, почти бесшумно, выскользнули из гостиной, оставив их наедине, будто сами стены ателье знали, что сейчас нужно дать этому мгновению пространство.

Олруджио, всё ещё всхлипывающий, но уже пытающийся взять себя в руки, икнул от переполнявших его эмоций и тоже вышел на улицу — проветриться, подышать ночным воздухом, дать сердцу успокоиться.

— Я не верила, — шептала Агата, не разжимая объятий, будто если она отпустит, всё рассыплется. — Я думала, что больше никогда не увижу вас.

Кифри осторожно провёл ладонью по её спине, чувствуя, как под тканью дрожат её мышцы, как она пытается сдержать рыдания и как не получается.

— Как видишь, живее всех живых, — ответил он тихо, но твёрдо, вкладывая в эти слова всю свою уверенность.

Он накрыл темноволосую макушку своей ладонью, и в его лазурных глазах заиграли тёплые искры — будто в них зажглись маленькие звёзды, отражавшие свет этого дома, этих людей, этого мгновения.

А за окном, скрываясь в ночной темноте, за всей этой домашней картиной следила змея. Она скользила по стене и крыше каменной хижины, и в её движениях была странная, почти человеческая тоска. Проскользнув по крыше флигеля, Коко сбросила змеиный облик и замерла, глядя на освещённые окна ателье. Дождь тихо забарабанил по черепице, и капли стекали по её вытянутой ладони, оставляя на коже только усталость и тихую, горькую радость.

Она улыбнулась — грустно, но искренне, и эта улыбка была не для себя, а для них, для тех, кто остался внутри, в тепле и свете, чтобы разделить с ними этот момент на расстоянии.

— Я всё исправлю ради вас, — прошептала шаманка в пустоту, и ветер подхватил её слова, унося прочь, будто сам хотел помочь ей сдержать это обещание.

Чуть позже, когда буря эмоций улеглась, а разговоры о возможном снятии проклятия с Кифри стихли, в ателье воцарилась непривычная тишина — не пустая, а наполненная тем самым уютным мандражом, который бывает, когда все наконец дома. В этой тишине каждый звук становился заметнее: тихий скрип половиц, приглушённый смех Риче и Тетии, принимавших последнего вечернего клиента, лёгкий звон посуды.

Кифри и Агата поднялись в её комнату на втором этаже. Девушка с чёрными волосами предложила чаю, и голубоглазый молодой человек, едва кивнув, принялся оглядываться. Комната совсем не изменилась — ведь сюда никто не заходил с того самого злополучного дня, когда Агата покинула ателье.

Помещение было просторным, но отчего-то казалось тесным: вещи будто цеплялись за свои места, не желая уступать ни пяди пространства. На полках теснились книги — толстые, потрёпанные, с загнутыми уголками страниц, с закладками из лент и сухих листьев, будто каждая из них хранила свою маленькую историю. На столе громоздились перья и чернильницы; некоторые были опрокинуты, и на дереве остались тёмные потёки — они походили на застывшие слёзы, на следы долгих ночей, проведённых за работой. У стены стоял сундук, из-под крышки которого выбивались пёстрые платки — будто они и правда пытались вырваться на свободу. У окна, за которым уже сгустился вечер, стояли два стула и низкий столик, а на нём застыла чашка с недопитым чаем — её поверхность затянута тонкой плёнкой, словно время здесь остановилось.

Кифри внимательно изучал каждую деталь, будто надеялся прочесть в них ответы на вопросы, которые ещё не решился задать. Его взгляд скользнул ко второму спальному месту — аккуратно застеленному, но всё же хранящему едва уловимые следы чьего-то присутствия. На подушке виднелась лёгкая вмятина, уголок одеяла был небрежно подвернут, будто человек торопился уйти и не успел поправить постель. Кифри подошёл ближе и провёл пальцами по краю одеяла. Ткань была прохладной, но ещё хранила слабый, едва различимый запах — свежескошенной травы, полевых цветов, воска и мёда. Этот запах был чужим и в то же время странно знакомым, будто он принадлежал воспоминанию, которое никак не удавалось поймать.

— Агата, — позвал Кифри, не оборачиваясь. Его голос прозвучал чуть глуше обычного, будто комната приглушала любые звуки, чтобы сберечь свои тайны.

Агата замерла с чайником в руках. Пар из носика поднимался тонкой струйкой, дрожал в воздухе и медленно рассеивался, растворяясь в полумраке. На мгновение всё вокруг будто затаило дыхание.

— Эта? — переспросила Агата, помедлив. В этой паузе было больше, чем в любом признании. Её фиолетовые глаза под густыми чёрными ресницами на миг потемнели, словно она пыталась спрятать за ними целую историю. — Здесь... ничего. Просто спальное место для гостей. Одно лишнее место не мешает — нас же всегда с девочками было трое. Я готовилась к экзаменам, работала допоздна, закидывала кровать бумагами с заклинаниями.

Но Кифри не спешил верить этим ровным, выверенным словам. Он присел на край постели, и пружины тихо скрипнули под его весом — этот звук был таким настоящим, таким будничным, что на фоне всей этой недоговорённости казался почти кричащим.

— И всё же ты никогда не любила работать с кем-то в паре, да и готовиться к экзаменам сообща, — настаивал он. — Чьи это вещи?

Агата опустила взгляд и поставила чайник на столик чуть громче, чем нужно. Этот резкий стук прозвучал в комнате как маленькая вспышка — словно она пыталась заглушить соб-

ственные слова. Она села напротив, и в её движениях сквозила какая-то неловкость, будто она сама не до конца понимала, как оказалась в этой роли.

Она заговорила о том, что так хотела рассказать учителю: о нападении шляпников, о том, как встала под крыло Белдрута, как тренировалась день и ночь, как достигла почти равного с ним мастерства. Её голос был спокойным, выверенным, будто она читала лекцию, но в глазах тлела всё та же жажда одобрения, которую Кифри помнил ещё с её детства. Он вдруг ясно увидел её такой, какой она была много лет назад: дрожащими руками разворачивающей пергамент с первыми заклинаниями и спрашивающей с надеждой: «Ну как? Я справилась? Отлично или хорошо?»

— Я хотела, чтобы ты гордился мной, — призналась Агата, присаживаясь рядом и протягивая Кифри пиалу с зелёным полупрозрачным чаем. В жидкости медленно кружились травы, и седовласый колдун засмотрелся на своё отражение в этой зыбкой глади, будто надеялся увидеть там ответы.

Он слушал её слова — правильные, выстроенные, отточенные, как боевые приёмы. Но в них не было той самой сцепки с той Агатой, которую он помнил: порывистой, искренней, способной вспыхнуть от одной несправедливости и тут же растаять от доброго слова. В ней теперь чувствовались исполнительность, холод и конкуренция — и этот новый образ казался ему маской, надетой на кого-то другого.

— Агата, — произнёс Кифри, глядя ей прямо в глаза, чтобы она не смогла спрятаться за словами. Он взял её за руку — просто чтобы дать ей то, в чём она так нуждалась. — Прошло столько времени. Неужели ты до сих пор не понимаешь, как ты ценна? Как важен твой труд и как он дорог другим людям? Ты достойна и всегда была достойна всех высших похвал. Ты удивительна, Агата — просто потому, что ты такая, какая есть.

Черноволосая девушка склонила голову в благодарности, обеими руками сжимая его ладонь. Кифри стёр остатки солёной влаги с её румяных щёк и вдруг вспомнил про старые туфли, лежавшие в коробке у кровати. Он точно помнил, что когда-то Агата одалживала кому-то туфли. И ещё он знал: она никогда не стала бы портить свои собственные туфли, вычерчивая на них совершенно другой узор магического круга. Движения руки, сам почерк линий — всё это было чужим.

— Мне нужно проветриться, — мягко сказал Кифри, осторожно высвобождая руку, стараясь не ранить её этим жестом. — Я скоро вернусь.

Он проводил Агату к столу, приобняв за плечи, и тихо подбодрил, напомнив, что прошлое нужно уметь отпускать. А сам про себя подумал, что не ощущает рядом с ней того чувства близости и равенства, которое когда-то делало их союз таким крепким.

Выйдя под крыльцо ателье, Кифри остановился в сумерках и устремил взгляд в поле белоснежных гортензий. Ночной воздух пах сыростью, листвой, мокрой землёй и чем-то ещё — чем-то древним, прятавшимся в тенях домов. Этот запах будто шептал о тайнах, которые не хотели быть раскрытыми, и о вещах, которые лучше было не трогать.

Вдруг Кифри замер, услышав скрип флигеля над головой. Он вскинул голову. На долю мгновения ему показалось, что на крыше стоит тёмная фигура — шаманка в шляпе с широкими полями, нити на которой переливались изумрудным цветом, сливаясь со звёздным маревом неба. Она была едва различима в свете Луны, нависавшей над ателье, словно часть самой темноты. Но потом Кифри понял: это лишь игра теней, обман зрения, рождённый усталостью и тревогой.

Не сводя глаз с черепицы и балкона, он отступил на шаг, убеждая себя, что его сомнения беспочвенны. А затем, поддавшись внезапному порыву, взмыл вверх, легко перепрыгнул через перила и через оставленное открытым окно скользнул обратно в комнату Агаты.

Здесь было тихо. Лишь снизу доносились приглушённые голоса, смех, звон посуды — будто это был другой мир, простой и по-домашнему уютный. Кифри начал осматриваться,

двигаясь бесшумно, будто сам стал тенью. Ведра, инструменты, разные принадлежности были составлены на полки, но он точно знал: он сам никогда не клал их туда. Агата любила порядок, почти ритуальную чёткость — так откуда здесь этот творческий хаос? Эти вещи словно занимали чьё-то место, вытесняя что-то важное.

Кифри принялся разбирать их, раскладывая на кровати. Его движения были точными, почти механическими, будто он пытался вернуть комнате прежний порядок, чтобы вместе с ним вернулось и понимание. Он подошёл к вазе с перьевыми ручками. Их было много — разных размеров, с потрёпанными кончиками, явно часто использовавшихся. Агата всегда держала свои инструменты в идеальном порядке: перья — по длине, чернильницы — по оттенку, даже камни для заточки лежали строго по размеру. А эти были исписаны, поцарапаны, некоторые погнуты — будто ими писали в спешке, на бегу, не заботясь о сохранности.

Кифри взял одну ручку и поднёс к свету. На стержне виднелись следы чьих-то пальцев — тонких, с едва заметными мозолями, будто человек постоянно держал что-то острое. Колдун сжал ручку в ладони, и перед глазами его промелькнули чьи-то руки — они резали ткань идеально ровно, по прямой, и умело подшивали разрез на его мантии.

Ножницы портных, лежавшие тут же, выскользнули из его пальцев и упали на пол с глухим стуком. Этот звук нарушил тишину, как камень, брошенный в спокойную воду.

Кифри схватился за голову, чувствуя, как воспоминания наслаиваются друг на друга, путаются и рассыпаются на осколки, не желая складываться в единую картину. Он не мог понять, где правда, а где подмена, где его память, а где чужая воля. Собравшись с силами, он заставил себя сложить всё обратно — точно так, как лежало до этого, — и направился к окну.

Но у самой подушки его взгляд упал на стопку спрятанных рисунков. Кифри осторожно вытянул их, боясь, что они рассыплются от одного прикосновения. Бумага была тонкой, пожелтевшей, пахнувшей временем и чернилами. На листах были птицы, кисточки, пейзажи, девочки, сцены элементарной магии, артефакты — всё это было подписано торопливой рукой. Заметки на полях, пояснения, стрелки, маленькие эскизы — всё сделано с такой любовью и тщательностью, будто автор боялся забыть каждую деталь. Это совершенно не походило на то, что могла бы создать Агата: её энергия всегда была направлена на действие, а не на созерцание. Так рисовал тот, кто боялся забыть.

Кифри замер, сжимая в пальцах пожелтевший лист с изображением птицы, расправившей крылья. Грудь сдавило необъяснимой тоской — острой и сладкой одновременно, будто он наконец коснулся чего-то настоящего, давно потерянного.

— Кто же ты? — прошептал он в пустоту. Этот вопрос был обращён не к комнате, не к рисункам, а к самому себе, к своей памяти, к той тьме, что скрывала правду.

Ответа не последовало. Лишь снизу доносился смех девочек и хлопок открываемой бутылки вина — Олруджио, видимо, решил отметить возвращение друга. Этот звук был одновременно самым родным и самым чужим, потому что теперь Кифри знал: что-то здесь не так. Кого-то не хватает, будто его стёрли ластиком из его памяти, спрятав за чужими делами, привычками и вещами.

Он спрятал рисунки во внутренний карман мантии. Бумага тихо шуршала и словно колола грудь, как и его собственное сердце. Приземлившись на мягкую траву, Кифри отряхнулся и направился обратно в дом. Его лазурные глаза теперь смотрели на всё вокруг по-новому — будто он впервые видел этот дом, этих людей, эту жизнь.

Он наблюдал за Агатой: как она смеётся, как поправляет волосы, как подливает чай. В ней не было ничего фальшивого, и всё же что-то не давало ему покоя. Её энергия казалась не такой светлой, а чуть приглушённой, наигранной — словно она старалась быть той, кем её хотели видеть, а не той, кем она была на самом деле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.